

Константин Ерусалимский

ПРАВОСЛАВНАЯ АКАДЕМИЯ НА ВОЛЫНИ XVI В.: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО

К сочинениям кн. Андрея Михайловича Курбского исследователи редко решаются применить категории «концепция» или «проект», отмечая, что ни его политические, ни литературно-исторические взгляды не складываются в «стройную теорию» (Георгий Плеханов) и отражают скорее не «образ мысли», а «политическое настроение» (Василий Ключевский)¹. Было бы отчаянной смелостью, в противовес сложившейся научной традиции, попытаться увидеть в литературном творчестве Курбского пусть не «теорию», но даже единый комплекс текстов, связанных между собой взглядами и интенциями автора. Мы попытаемся представить польско-литовскую «курбскиану» как целостный интеллектуальный проект книжника-просветителя.

Речь пойдет о том месте, которое занимает Сборник Курбского в ряду переводов, возникших в книгописной мастерской князя Андрея². В период эмиграции им были составлены «Новый Маргарит» (1568-1572 или 1568-1575), «Иоанн Дамаскин» (ок. декабря 1575 – 1578 г.) и «Симеон Метафраст» (не ранее 21 марта 1575 г. – не позднее 3 сентября 1579 г., дорабатывался до начала 1580-х гг.)³, сборник посланий и переводов Курбского с «Историей

¹ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. – Санкт-Петербург, 1843. – Кн. 3, т. 9. – Стб. 64-66; *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. – Москва, 1914. – Т. 1. – С. 183-192; *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. – Москва, 1988. – Т. 2. – С. 159; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. – Москва, 1963. – С. 120; *Auerbach I.* Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskii and National Consciousness in the Sixteenth Century // Culture and Identity in Muscovy, 1359-1584. – Moscow, 1997. – P. 15; *Лурье Я.С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Москва, 1993. – С. 236; *Лихачев Д.С.* Стиль произведение Грозного и стиль произведений Курбского: (Царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Москва, 1993 (далее – ПИГАК). – С. 202.

² *Шmidt С.О.* Россия Ивана Грозного. – Москва, 1999. – С. 340.

³ Датировки работы над томами переводов Курбского обоснованы: *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovič Kurbskij und sein Kreis // Kurbskij A.M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / hrsg. von I. Auerbach. Giessen, 1990. – Bd. 3. – S. 15-51; *Калужин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). – Москва, 1998. – С. 30-37, 45-52; *Его же.* Предисловие. «Житие Сильвестра, папы римского»: причины, цели и особенности перевода // «Житие Сильвестра папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского. – Москва, 2003 (далее – ЖСПР). – С. 7-9; *Его же.* «Житие

о осьмом соборе» (1579-1582), который мы условно называем Сборником Курбского⁴. Работа над книгами велась в сложных условиях. Князю приходилось «отвлекаться», сам он считал себя не вполне готовым для выполнения задуманного, но и вокруг себя не видел опытных помощников, о чем говорит его послание 1575 г. Марку (Умару) Сарыхозину. Письмо с приглашением для переводческих работ составлялось примерно в середине года, а уже к началу июля у князя были украдены две книги, из которых латиноязычное собрание «опер» Василия Великого он планировал переводить. Потери книг происходили и позднее, особенно в годы конфликта Курбского с его второй женой княжной Марией Гольшанской. В окружении князя не хватало знатоков языка. Знаниями латыни были оснащены и сам Курбский, и его сотрудники – кн. Михаил Ноготков-Оболенский, Иван Москвитин, Ждан Миронович, бакалавр из Кракова Амброжий (возможно, Шадковский), бакалавр Станислав Войшевский, Брум, протопоп Сила и, возможно, другие книжники. Однако для осуществления замыслов нужны были ученые, хорошо владеющие славянским языком⁵.

Склонность князя Андрея к богословским трудам и учительству получила широкую огласку. И он живо откликался на обращения знакомых – переписывался с соседями и делился своими переводами, наставлял в вере православных Волыни, Вильна и Львова, призывал вернуться в веру отцов новообращенных из православия евангелиста Остафия Воловича и антитринитария Филиппа Бокея-Печихвостского⁶. При этом считал «похвальным» стремление кн. Анны Чарторыйской, заботясь о «внешней» учености своих детей, отдать их на обучение в иезуитский коллегиум. Публичные школы были в конце 1570-х гг. только у католиков, и это не останавливало православных не только в их желании дать детям образование, но и поддержать иезуитские школы денежными вкладами⁷. Начальный этап образования – приучение азам веры и грамоте – также был под силу далеко не каждому шляхтичу. Умиравший в татарском плену волынский друг князя Василий Загоровский 11 июля 1576 г. завещает крестной матери своих детей Зофии Загоровской отдать их под опеку и для приучения грамоте, «на

святого Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. – Москва, 2003. – С. 8-10, 13-27, 33-39.

⁴ *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. – Москва, 2009 (далее – СК). – Т. 1.

⁵ СК. – Т. 2. – Л. 161 об.-164; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbckij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. – München, 1985. – S. 131. Anm. 125; S. 176. Anm. 343; S. 385. Anm. 49; S. 392. Anm. 91.

⁶ *Liedke M.* Od prawosławia do katolicyzmu: Ruscy możni i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wyznań reformacyjnych. – Białystok, 2004. – S. 115, 180.

⁷ *Яковенко Н.М.* Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI-XVII ст. – Київ, 2002. – С. 13-79; *Довбищенко М.В.* Волинська шляхта у релігійних рухах (кінець XVI – перша половина XVII ст.). – Київ, 2008. – С. 196-210.

науку» к Курбскому⁸. Князь готов был и самолично отстаивать православие в полемике с иноверцами. Его оппоненты, виленские «паны езоиты» в 1574 г. судят о нем, несколько предвзято, как об «ученейшем москвитине»: они в коллегии спорили со схизматиком, некогда бывшим «военачальником у московитов», о догмате *filioque* и – победили. Князь серьезно относился к этой полемике и побежденным себя не признал⁹. Позднее в посланиях киевскому воеводе кн. Константину Острожскому и Кузьме Мамоничу он отреагирует на трактат «О церкви Божией под одним пастырем» иезуита Петра Скарги (1577), назвав его «езуитцкии фабулы, софисматы повапленные»¹⁰. Логические ухищрения богослова-иезуита уподоблены Курбским безжизненным «повапленным гробам» (Мф. 23:27)¹¹.

Ответом на новые толкования церковных догматов и на вопрос об унии католичества и православия становятся «Послание Ивану Многоученому» (1563-1564) и «История о осьмом соборе» (кон. 1570-х – нач. 1580-х). Курбский подключается к работе острожских ученых над подготовкой первой русской печатной Библии, и эти усилия вознаграждаются еще при его жизни изданием 1581 г. В Миляновичах разворачивается книгописная мастерская, в которой одних только «русских книг» к 1583 г. было более десятка¹². Среди них могли быть и новые переводы из Иоанна Златоуста, и избранные главы из «Церковной истории» Евсевия Памфила. Князь планирует перевести на русский и «Постническую книгу» Василия Великого. Уже тяжело больной, он втягивается в спор о Григорианской календарной реформе и находит в творениях Святых Отцов аргументы в защиту Юлианского календаря, видимо, не соглашаясь со своим другом кн. Константином Острожским, который признал реформу¹³.

⁸ Архив Юго-Западной России. – Киев, 1859. – Ч. 1, т. 1. – № 16. – С. 74; *Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij*... – S. 181-182; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 74-75, 101; *Kempa T.* Akademia i drukarnia ostrogska. – Biały Dunajec-Ostróg, 2006. – S. 10, 16-17.

⁹ *Krajcar J.* Jesuits and the Genesis of the Union of Brest // *Orientalia Christiana Periodica*. – Roma, 1978. – Т. 31. – Р. 136; *Дмитриев М. В.* Характер первых контактов православного и католического общества в эпоху Контрреформации // *Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. – Москва, 1996. – С. 78-79; *Калугин В. В.* Предисловие // *Калугин В. В.* «Житие Сильвестра, папы Римского» в биографическом сводке Андрея Курбского. – Москва, 2003. – С. 14. Прим. *.

¹⁰ СК. – Т. 2. – Л. х-182 об.; см. также л. 167. П. Скарга существенно преувеличивал связь православных русинов Речи Пополитой с Московским царством. Об этом см.: *Hodana T.* Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI – połowy XVII stulecia). – Kraków, 2008. – S. 23-62.

¹¹ *Калугин В. В.* «Житие святителя Николая Мирликийского» в биографическом сводке Андрея Курбского. – Москва, 2003. – С. 10.

¹² Именно такое число «русских книг» отца («kilkanaście») завещает дочь Курбского княжна Марина Виленскому Свято-Духову монастырю в 1611 г. См.: СК. – Т. 1. – С. 90-91.

¹³ *Kempa T.* Konstanty Wasył Ostrojski (ok. 1524/1525-1608), wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej. – Toruń, 1997. – S. 123-124; *Gudziak B. A.* Crisis and Reform. The Kyivan Metro-

Слухи о талантах и учености князя из «Московии» полнят Речь Посполитую и за пределами Волыни, Львова, Вильна и ближайшего окружения Курбского. Поэты воспевают литовского канцлера Миколая Радзивилла за то, что он переманил на королевскую службу блестящего полководца¹⁴. Неслучайно портрет «Князя Курбского Старого», ныне неизвестный, висел в одном из имений Радзивиллов¹⁵. Сигизмунд II Август возлагал на Курбского надежды в переманивании московской элиты на королевскую службу, и возможно, эти планы какое-то время осуществлялись, вызвав волну новых преследований в Москве. По «делу» Ивана Козлова о тайной переписке литовской рады с боярской думой Курбский был главным подозреваемым как организатор провокации¹⁶. Когда речь заходит о создании Лиги против Османской империи, посланник венского двора аббат Иоганн Цир обращается за поддержкой к москвитам кн. Андрею Курбскому и Владимиру Заблоцкому, надеясь через них склонить к союзу царя Ивана¹⁷. Позднее имя Курбского как первостепенного «государева изменника» неоднократно звучит в переговорах царя Ивана с литовской радой о московской кандидатуре на престол Великого княжества Литовского или Речи Посполитой в 1572 и 1575 гг., в переписке царя со Стефаном Баторием и секретных наказах царя своим послам в 1578-1581 гг. Геральдист Бартош Папроцкий пишет в 1584 г. о только что умершем князе как о человеке «мудром» или «остроум-

---

politanate, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest. – Cambridge, Mass., 2001. – P. 37-38, 132-136.

¹⁴ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. – Bern-Frankfurt-Moskau, 1972; *Канпельер А.* Лагинские поэмы о победах литовцев над московскими войсками в 1562 и 1564 гг. и о победе Курбского // *Ad fontem / У источника.* Сборник статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каптанова. – Москва, 2005. – С. 318-325; *Некрашевич-Короткая Ж.В.* События и лица российской истории второй половины XVI – первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* – Санкт-Петербург, 2012. – № 2 (12). – С. 26 (в основном тексте – перевод *Ж.В. Некрашевич-Короткой* из эпической поэмы «Радзивиллиада» Я. Радвана 1592 г.).

¹⁵ Портрет «Kniaz Kurpski Stary» или «Kurpski Stary» до сих пор не идентифицирован. Он хранился в кенигсбергском имении Радзивиллов еще в 1657 г. и в 1672 г. описан в реестре унаследованного дочерью Богуслава Радзивилла Луизой-Каролиной имущества. По предположению А.А. Скепьян, инвентарным упоминаниям портрета кн. А.М. Курбского может соответствовать портрет, иногда принимаемый за «Портрет кн. Михаила Тверского» из Национального художественного музея в Минске. Исследование А.А. Скепьян «Портреты кн. Радзивиллов в документах XVI-XVII вв.» подготовлено к печати. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить коллегу за ценные консультации. Портрет Курбского упомянут под № 223 в инвентаре: *Sulerzyska T.* Galerie obrazów i «gabinety sztuki» Radziwiłłów w XVII wieku // *Biuletyn historii sztuki.* – Warszawa, 1961. – R. 23, № 2. – S. 87-99.

¹⁶ *Соловьев С.М.* Сочинения. – Кн. 16: Работы разных лет. – Москва, 1995. – С. 166, см. также с. 171.

¹⁷ *Лурье Я.С.* Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 году: (По материалам Венского архива) // *Археографический ежегодник за 1957 год.* – Москва, 1958. – С. 451-466.

ном» («maż był dowcipny»)¹⁸. А много десятилетий спустя доминиканский монах Шимон Окольский назовет его «величайшим исследователем московских дел» («regum Moschouiticarum maximus indagator»), как будто зная об «Истории о князя великого московского делех». Можно предположить, что польский писатель или его источник слышал об исторических сочинениях Курбского или знал непосредственно об «Истории о князя великого московского делех»¹⁹.

Все эти факты говорят о Курбском как о сложном и многостороннем писателе и книжнике, который посвятил значительную часть своей жизни литературной работе. Исследователи открыли в его сочинениях утонченный аттический стиль, склонность к богословской полемике, эсхатологическую решительность мемуариста-свидетеля, энциклопедизм комментатора, неоплатонические философские подтексты и пуризм принципиального борца за высокий слог. Складывались ли его творческие ориентиры в единый образ или в комплекс взаимосвязанных идей и отразились ли на его исторических воззрениях?

Прежде чем мы попытаемся ответить на этот вопрос, вспомним, что в своих усилиях князь не был одинок на русских землях Речи Посполитой. Будучи коронным подданным и верным слугой короля, на Волыни Курбский встретил самобытную среду, в которой в условиях Люблинской унии административные расхождения с Великим княжеством Литовским и сближение с Коронной Польской сочетались с отстаиванием основ местной самобытности²⁰. Лидер волынской шляхетской депутации на Люблинском сейме 1569 г. Гаврило Бокий поразил польских магнатов и Сигизмунда II Августа историческим познаниями, которыми он отстаивал идею перехода Волыни в состав Короны Польской. Из завещания Бокия видно, что он был книголюбом. При дворе кн. Юрия Слуцкого еще на рубеже 1560-1570-х гг. жили «ученые мужи», с которыми Курбский поддерживал переписку, а одного из них – Марка-Умара Сарыхозина переманивал к себе заниматься переводом и хвалился перед ним своими успехами на этом поприще. Не ранее 1576-1577 гг. в Остроге возникла школа, а около 1585 г. – православная

¹⁸ Herby Rycerstwa Polskiego przez Bartosza Paprockiego zebrane i wydane r. p. 1584 / Wyd. K. J. Turowskiego. – Kraków, 1858. – S. 871; см. также: *Wolski M.* Inwentarz biblioteki Bartosza Paprockiego z 1585 roku. Przyczynek do biografii oraz poznania warsztatu naukowego pisarza // *Narodziny Rzeczypospolitej. Studia z dziejów Średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych.* – Kraków, 2012. – Т. 2. – S. 1225-1235.

¹⁹ *Okolski S.* Orbis Polonus. – Cracoviae, 1641. – Т. 1. – P. 505; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). – Основное собрание рукописных книг. – Ф. IV. – № 821 [Тимковский В. Ф. Опыт исследования о жизни, подвигах и ученых трудах князя Курбского. Часть первая. Жизнь князя Курбского. 1816]. – С. 261; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 345; см. также: *Dacka I. M.* «Korona Polska» Kaspra Niesieckiego: Pomnik staropolskiego piśmiennictwa heraldycznego. – Warszawa, 2004. – S. 16-32.

²⁰ *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną: Sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569-1648. – Warszawa, 2006.

Академия кн. К.К. Острожского, ориентированная на иезуитские образцы и коллегии кардинала Франсиско Хименеса, но предназначенная для «русинов». Возможно, князь поддерживал инициативы своего соратника и вельможного патрона или даже стал инициатором его планов²¹.

Впрочем, со стороны кн. Андрея прозвучала критика в адрес Острожского, который поручил своему слуге-антитринитарию Ивану Мотовило написать ответ на памфлет иезуита Петра Скарги «О единстве церкви Божией под одним пастырем» и отправил князю Андрею в 1577 г. оба трактата²². Киевский воевода благоволил христианам-реформаторам, а «Милянвический Савонарола» пенял другу, что еретик «далеко горчайши и ядовидши, нежели Арий безбожный»²³. Возможно, наставления возымели плоды – «арианин» Мотовило так и не опубликовал у Острожского свои сочинения, а составить ответ на памфлет Петра Скарги Острожский поручил не ему, а православному критскому греку Евстахию Натаниелу²⁴. Даже если толкователи Священного Писания были не учителями, а лишь диспутантами, приставленными для обучения православной шляхты и горожан, терпимость к ним была необычным явлением в православном воспитании, а Курбский видел опасность в отступлении русских шляхтичей от веры предков и своими двумя ответными письмами к Острожскому разоблачал разрушительные ереси, хотя еще незадолго до того в письме кн. Анне Чарторыйской отмечал допустимость обучения православного шляхтича в иезуитской академии.

Возьмем на заметку, как в сравнении с высшим духовным преступлением, ересью, на мгновение меркнут недостатки католицизма и ислама. Магометанство осмыслено в сочинениях князя как другая вера, чуждая и враждебная православию. Однако никакой догматической полемики с исламом Курбский не допускал, сводя отношения между ним и христианством к священной войне. Судя по тому, как автор «Истории» описывает речь борца за свободу Ливонии католика Филиппа фон Белла, католицизм вызывает в нем симпатию. Вместе с католиками православные восстанавливают общехристианское книжное предание и борются с новыми ересями. Видимо,

²¹ *Огієнко І.* Історія українського друкарства / Упоряд., авт. іст.-біогр. нарисів та приміт. М.С. Тимопшик. – Київ, 1994. – С. 188-189; *Немировський Е.Л.* Иван Федоров около 1510-1583 гг. – Москва, 1985. – С. 159; *Мицько І.З.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576-1636). – Київ, 1990. – С. 25; *Шевченко І.* Україна між Сходом і Заходом: Нариси з історії культури до початку XVIII століття / Авторизований пер. з англ. М. Габлевич під ред. А. Ясіновського. – Львів, 2001. – С. 148-149; *Кетра Т.* Akademia i drukarnia ostrogska. – S. 12-13, 16-19, 40-41.

²² *Тесленко І.* Мотовило Иван (Ян, Яцько) (* до 1540 – † між 1590 та 1597) // Острозька академія XVI-XVII ст. Енциклопедія. – 2-е видання, виправлене і доповнене. – Острог, 2011. – С. 240-241.

²³ СК. – Т. 2. – Л. x-182 – x-182 об.

²⁴ *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький: Історичний портрет у галереї предків та нащадків. – Київ, 2012. – С. 784-787. Т. Кемпа допускає, що відповідь Мотовило також був надрукований в Острозькій типографії: *Кетра Т.* Akademia i drukarnia ostrogska. – S. 44-45.

критика Курбского в адрес киевского воеводы была признаком глубоких разногласий между магнатами и отражала разное понимание ими перспектив внутрицерковного союза в организации православной школы. Как и острожско-случский ученый монах-москвитин Артемий Троицкий, князь Андрей противостоял в первую очередь «хулам нынешних ересей» – лютеранства и арианства, наряду с прочими реформационными учениями, но не отрицал мысль о договоренности с католиками²⁵. Поддержка Курбским Слуцкого и Острожского накануне создания Острожской академии выразилась в выступлении православного клана в борьбе за престол Речи Посполитой. Курбский в династическом кризисе 1572-1573 гг. поддержал именно кандидатуру кн. Юрия Слуцкого и от его лица, а фактически по инициативе Острожского, вел переговоры с лидером блока литвинов – могущественным канцлером Миколаем Радзивиллом²⁶. Дружеские визиты кн. Андрея к кн. Константину в середине 1570-х гг. и в правление Стефана Батория, а затем и опекунов Острожского над вдовой и детьми Курбского показывают, что привязанность Курбского со временем лишь окрепла²⁷.

Писатель-иезуит Петр Скарга, обращаясь к кн. Константину Острожскому, доказывал, что у православных нет и не будет ни коллегии, ни академии, а язык «русинов» не пригоден для богословия. На глазах у православных Речи Посполитой разворачивались новые методы борьбы за умы верующих. Государство последнего Ягеллона и первых королей-«электов» было образцом толерантности. Уже в 1552 г. королевским указом были запрещены постановления старостинских светских судов по духовным делам, и это положило конец судебным расправам над еретиками. Десятилетие спустя, на сейме 1562-1563 гг., все христианские конфессии получили равные права на территории Великого княжества Литовского, а в январе 1573 г. на Варшавском сейме была даже подписана «конфедерация», декларирующая равенство прав шляхтичей любого вероисповедания и обязанность короля, кто бы ни был избран на трон Речи Посполитой, соблюдать и охранять религиозный мир. Первая республика веротерпимости возникла всего несколько месяцев спустя после Варфоломеевской ночи во Франции. Впрочем, мир толерантно-

²⁵ *Калугин В.В.* Московские книжники в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI века // Русское воскресение. URL: <http://www.voskres.ru/oikumena/kalugin.htm> (последнее посещение – 07.05.2014).

²⁶ Archiwum główne akt dawnych (далее – AGAD). – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. V. – Sygn. 2054. – Sygn. 2044. S. 65-67; ОР РНБ. – Ф. 971, оп. 2, авт. 234, № 74. См. также: *Jerusalimski K.* Rosyjska emigracja w Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVI w.: nowe problemy, źródła, interpretacje // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гродна, 23-25 красавіка 2004 г. – Мінск, 2007. – С. 155-157; *Ferenc M. Mikolaj Radziwiłł «Rudy»* (ok. 1515-1584): Działalność polityczna i wojskowa. – Kraków, 2008. – S. 432. Przyp. 127.

²⁷ *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский как лидер «русского народа» Речи Посполитой. Дисс... канд. ист. наук. – Москва, 2002.

ти продержался недолго, свертывание реформ началось уже в первые годы правления польского короля Сигизмунда III Вазы, с конца 1580-х гг. Король оказывал поддержку иезуитам. Религиозные диссиденты искали поддержку в Короне в окружении канцлера Яна Замойского, а в русских коронных и литовских землях – у кн. Константина Острожского, в православных братствах мещан и в среде казачества. Коренные перемены произошли, когда был осуществлен проект унии между католиками и православными в Риме (1595) и Бресте (1596), внесший раскол в религию «греков» Речи Посполитой.

При жизни Курбского перспективы католической контрреформации на русских землях пересекались с православными инициативами, и борьба за преимущество велась сходными методами под покровительством высокообразованных книжников. Выпады П. Скарги в адрес православных стали вызовом, который был принят православными магнатами и мещанами. Вполне возможно личное знакомство между Курбским и Скаргой. Когда в 1574 г. князь появился в Виленской иезуитской школе-коллегиуме, Скарга уже год как был там вице-ректором и мог лично принять участие в догматической дискуссии с «москвитом». В 1577 г. Курбский и Острожский серьезно отнеслись к критике иезуитов и должны были приложить еще большие усилия по созданию школы для православных. В 1579 г. Скарга и Курбский должны были не раз встречаться в свите короля Стефана под Полоцком. Позднее, накануне Псковского похода летом 1581 г., престарелый Курбский приезжал в Вильну и не мог не интересоваться успехами католического проповедника. Рост влияния Скарги был несомненным – он добился привилегия на создание академии в Вильне, стал ее ректором. В это время Скарга неоднократно приезжал также и в новооткрытую школу иезуитов в Полоцке, на которую возлагал особые надежды в распространении католичества на восток. Курбский и Скарга в те же годы пользовались сходными методами в борьбе за веру: они поддерживали религиозные братства мещан и создавали своды популярных житий святых. Однако в распоряжении князя Андрея при этом был сильный аргумент: православие – вера отцов, с глубокой древности объединявшая русские земли, истинная и исконная вера воителей Христа. В арсенале Скарги подобного аргумента не было.

Проект русской православной академии нигде не был сформулирован, и о том, как могли труды Курбского складываться в программу обучения, можно лишь догадываться. Косвенные сведения об этом рассеяны по переводным сочинениям князя Андрея. «Новый Маргарит» служит образцом риторического искусства. Красноречие опирается, прежде всего, на знание грамматики и пунктуации. Составитель начинает свой сборник с далеких от святоотеческой традиции предисловия «История кратка» и учебного сочинения «Сказ о знаках книжных», внушая читателям необходимость языковых упражнений и знания знаков препинания. Перед началом переводческой работы, поясняя-

ет князь, он склонял «спадки и роды, и образцы, и часы, и иные грамотические чыны неотменно и истинне; так и разума нигде ж разтлех, бо престерегах того со великим трудом прилежанием, также и знаки книжным обычаем поставлях»²⁸. Только после получения «словесных» навыков и проявления себя «в делех добрых» человек может считаться совершенным, «а про то иных учити просвещати может»²⁹. Глаголы «учить» и «просвещать» значат в данном случае – переводить, переписывать и писать книги. Однако их семантика значительно шире. Пунктуация и синтаксис отнесены в грамматический раздел тривиума, и вторая глава «Нового Маргарита» выполняет как роль списка условных обозначений, так и роль пособия на пути к идеалу образованности. Эти разделы не заинтересовали издателей «Маргарита» 1595 г., однако для самого князя Андрея первые две главы книги могли определять ее положение в большом ученом проекте. Сборник с «Историей» Курбского обращается к «Новому Маргариту» чаще, чем к любой другой книге из его книгописной мастерской.

Конечно, «Слова» Иоанна Златоуста содержат и наставления к христианскому рыцарю. Воин-полемист должен уметь защищать себя крестом, ибо Царь Небесный «не щит дал, не шолом, не стрелу, не пансырь, не сапоги», но нечто более крепкое – крест как «знамение преодоления»³⁰. Христианский учитель призывает своих слушателей: «Во твоём сражении вкупе Господь сходит, Господь сражается, Господь воюет, а преодоление тебе бывает восписано. Воевание твоё – Божие воевание есть. Брань твоё – Христова брань есть. Чему трепещеш, чему ужасаешся, якобы твоёю силою одолел. Приими зброю, гряди на брань, храбре сражайся, ижебы при сражающим был. Он, иже не знает ни единого преодоления, не может тот достати стратижства. Который бы супостата не мог победити, не може цареву приятный быти, кто бы супостаты женоугодным обретался, ани врага мог бы одолети, развие кто бы мужественно произволил братися. Одоление рыцера – убиение супостата, а убиение супостата – почесть есть стратига»³¹. Знание для Курбского – это поле битвы между истиной и ложью, светом и тьмой. Просвещение имеет для московских современников кн. А.М. Курбского богословско-полемический смысл. Каждый шаг в обучении приближает человека к

²⁸ NM. – Vd. 1. – Vl. 7. Опушена одна сноска.

²⁹ Там же. – Vl. 7-7v.

³⁰ Там же. – Vd. 2. – Vl. 196.

³¹ Там же. – Vd. 3. – Vl. 334v-335. В цитате опущено 4 глоссы, впрочем, весьма важных для языка Курбского. В глоссах князь приводит толкования к словам «восписанно» – *возложено*, «зброю» – *пансыр*, «стратижства» – *гетманства* и «рыцера» – *воина храброго*. В агиографическом своде слово «рыцерь» используется для перевода лат. *athleta*, а в глоссе Курбский или его сотрудник поясняет: «витезя, або храбраго воина повеления» (*Калугин В.В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... – С. 29). В «Истории» Курбского в сходных понятиях описывается ратный подвиг русских воевод и простых воинов, борющихся за спасение отечества от «внешнего дракона».

свету християнської істини і опроверженню еретиків і хулителей Господа. Грамматика і риторика, владення мовами богослов'я грецьким, латинською і слов'янським служать першим таким кроком. Починати навчання, по Курбському, необхідно з читання Священного писання, яким при участі князя до 1581 р. займався його знайомий, видимо ще з московських часів, Іван Федоров.

Последующее образование позволит лучше усвоить прочитанное и при необходимости опровергнуть ложное толкование, а для тех, кто проходит полный курс обучения, открывает возможность самостоятельно учительствовать. В «премудрой» «Диалектике» Иоанна Дамаскина, переведенной в кружке Курбского после «Нового Маргарита», князь находит «яко бы зеркало церкви, и щит, альбо бронь крепкую ото всех еретиков»³², а богослова он видит «стояща яко истинаго поборника церкви божи, всего вооруженна зброєю светлою и крепкою паче солнца сияющею, сиречь догматы пресветлеишими апостольскаго правоверия, и меч обнажен обоюдоустр в руке держаще, сиречь глагол божи, и сице еретические роды посещающе, сам же в догматах благочестия непреодолим бывающе, а правоверным многое утешение и неизреченную радость и веселие и надежду изливающе»³³. Такой же «арсенал» сравнений возникает в предисловии к тому «Иоанн Дамаскин» при вторичном обращении к теме обучения книжным искусствам. Учителя, пишет Курбский, «яко бы град твердый на превысочайшей горе, догматы благочестия нам оставили со бесчисленными различными обронениями, сиречь, непреодолимыми свидетелствы, яко с пращами огнистыми направили, и яко луки крепкие и стрелы в тулах готовые положили и уготовали, писания свои, но потреба с тех таковых кому действовать и стреляти?»³⁴. Оружие для борьбы давно готово, но современники не знают, как его использовать.

В глоссах к «Богословию» читатель найдет комментарии переводчиков о ересях Оригена, Нестория, Ария, Юлиана, Гая, Мани и др. Истинное православие окружено лжеучениями и возможно только в борьбе с ними с помощью всего философско-диалектического арсенала, который был доступен книжнику XVI в. В этих целях в конце 1570-х гг. в кружке Курбского была переведена «Логика» («*Errotemata trivii*») Иоганна Спангенберга («От другие диалектики Иоанна Спанинбергера о силлогизме вытолковано»), которую Курбский рассматривал как пособие по диалектике. В «Сказе Андрея чего ради сии написаны» читателю предложено научиться использовать силло-

³² Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528-1583) / Hrsg. von J. Besters-Dilger unter Mitarbeit von E. Weiher, F. Keller, H. Miklas. – Freiburg, 1995 (далее – DJD). – S. LI, LV-LVI. См.: Пс. 83:12; Прит. 2:7.

³³ DJD. – S. LIII.

³⁴ Там же. – S. LV-LVI. В «Истории» о советниках, входивших в Избранную раду, со ссылкой на Соломона говорится, что царь ими был, как «град претвердыми столпы утвержен» (СК. – Т. 2. – Л. 7 об.; ср.: Прит. 11:10-11; 25:28).

гизмы, отличать правду от лжи, верить правде и истине, защищать правду перед ее противниками и «уста им заградити праведными оными силогизмами», а также научиться оспаривать суждения еретиков – вслед за святыми мудрецами, которые «все оные ереси обличили, и посрамили, и довели на оных право глаголющими силогизмами, иже оные еретицы словесною силою ложне и неправедне действуют»³⁵. В книгописной мастерской Курбского «Логика» была приложена к догматическому тому, а затем в 1586 г. напечатана в виленской типографии братьев Мамоничей³⁶.

Как следует из предисловий Курбского к «Новому Маргариту» и тому «Симеон Метафраст», князь считал, что «век звериный» уже наступил, и воевать против дьявола может лишь тот, кто достаточно хорошо вооружен, чтобы отбивать его стрелы, искоренять плевелы и пресекать «хитролесные злокозньства»³⁷. Запрет читать и недоверие к книжности в Русской земле, призывы к «смирению лицемерному» и к индульгенциям воспринимаются им как торжество лживых пророков, как происки дьявола³⁸. Образованные и искусные мыслители должны взять на себя миссию духовенства³⁹ – обличать и исправлять, устранять «ласкателей» и «совратителей». Если в царстве нет противодействия тирании, правители «не токмо сами всеродне ищезают, но и царства погубляют»⁴⁰. Князь Андрей любит цитировать библейские стихи о пользе обличения⁴¹. Ни Джону Феннелу, ни Владимиру Кобрину и Якову Лурье не удалось обнаружить источник цитаты в Третьем послании Курбского Грозному, якобы заимствованной из пророка Исаии: «Лутчи, рече, лоза или жезл приятеля, нежели ласкательные целования вражий»⁴². То, что текст Курбского не является, видимо, прямой цитатой, не исключает очевидной связи отрывка с текстом Исаии. В цитировании присутствуют элементы истолкования. Лоза и жезл – символы власти, которые карающий Господь

³⁵ *Eismann W.* O silogizme vytolkovano: Eine Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij aus den Erotemata Trivii Johann Spangenberg. – Wiesbaden, 1972. – S. 72, 74, 76.

³⁶ *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. – Москва, 2003. – Т. 2. – С. 715-716, рис. 102.1-102.7; *Харламович К.В.* Новая библиографическая находка. Переводная статья князя А.М. Курбского «От другие диалектики Иона Спаньинъбергера о силогизме вытолковано». – Киев, 1900; *Зернова А.С.* Типография Мамоничей в Вильно (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. – Москва, 1959. – Сб. 1. – С. 184-187; *Гаверюшин Н.К.* Премудрая святая диалектика. «Философские главы» преподобного Иоанна Дамаскина на Руси. – Нижний Новгород, 2003. – С. 57-59.

³⁷ Библиотека литературы Древней Руси. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 11. – С. 584.

³⁸ DJD. – S. LIV-LV.

³⁹ Духовенство и монахи в трудах Курбского неоднократно подвергаются упрекам в необразованности, забвении своего долга обличения и заступничества, в ложном учительстве, стяжательстве и угодничестве (NM. – Bd. 3. – Bl. 412v. Anm. a; DJD. – S. LVI; ср.: Иер. 5: 30-31).

⁴⁰ DJD. – S. LVI.

⁴¹ ПИГАК. – С. 108 (л. 142-142 об.), 115 (л. 156); DJD. – S. LVI; см.: Прит. 9:8-9; 12:1-3; 19:20, 25; 27:5-6; 28:23.

⁴² ПИГАК. – С. 115 (л. 156).

может передать в руки врага⁴³. Таким образом, и смысл отрывка может быть несколько иным, чем в том случае, если бы автор действительно вновь обращался к словам Притчей: исповедник царя Сильвестр, имея власть над духовным сыном («казняще и наказующе»), лучше для царя, чем льстецы («человекоугодники»).

Как полемист-просветитель, Курбский создает комплекс переводов, оснащенный авторскими «сказами» – предисловиями и послесловиями, в которых обсуждается назначение переведенных текстов. Общая задача оснастить христианского воина оружием истины решается благодаря поэтапному обучению. Общим делом для Миляновичей и Острожской академии была подготовка сводной Библии, которой в 1581 г. суждено было стать первой полной Библией, опубликованной типографским способом на русском-рутенском языке. «Новый Маргарит» закладывает риторическую и грамматическую основу начального тривиума, а также наставляет читателя образцами святоотеческого красноречия⁴⁴. Философско-догматическое образование читатель получает, освоив том «Иоанн Дамаскин». Древнее благочестие и жития святых книги «Симеон Метафраст» и второй части Сборника Курбского с «Историей о осьмом соборе» развивают в христианском воине этические представления, служат образцом для подражания, наставляют на целомудренный и праведный образ жизни. «История», когда бы ни возникла ее основа, могла внести свой вклад в православное воспитание.

Не был ли Сборник Курбского с «Историей» и посланиями князя московскому царю частью программы воспитания православного воина-полемиста? Не заложена ли в авторских сочинениях Курбского неявная, имплицитная программа, которая могла бы стать частью более обширного учебно-научного замысла? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять, как соотносится полемика князя Андрея с Иваном IV с теми целями, которые сформулированы им в переводах Святых Отцов, и в чем назначение «Истории».

Текст «Истории о князя великого московского делех» был написан не единовременно, а по всей видимости, в несколько приемов. Об этом говорят не только упоминаемые Курбским реалии, но и его манера собирать информацию «со прилежанием», чтобы «достаточнее выведатися» об интересующих фактах⁴⁵ и только недостижимое после ряда усилий оставлять

---

⁴³ Ис. 3:1; 9:4, 14; 10:5-6, 15, 24-26; 11:4; 14:5-6; 36:6; 42:3-4.

⁴⁴ «Тривиум» в середине XVI в. не столь актуален как часть единой системы *artes liberales*. Его основа доходит до Миляновического кружка и Острожской академии в сильно модифицированном виде и никогда не образует часть определенной программы. В этом смысле предположение Т. Кемпы о программе Острожской академии по схеме тривиума и квадравиума является лишь догадкой, которая распространяется на вопрос о школе Курбского с тем же элементом сугубо логического допущения. См.: *Kempa T. Akademia i drukarnia ostrogska.* – S. 22.

⁴⁵ СК. – Т. 2. – Л. 128.

«лепшей памяти тамо живущим»⁴⁶. Текст «Истории» состоит из двух частей, граница между которыми условна, но важна – это грань между свидетельством участника-мемуариста и сводом более или менее достоверных слухов. Причем если первая часть является повестью о жизни и военной службе Курбского «пресветлому» царю и христианской «республике», то вторая, в основном, сосредоточена на казнях русских подданных, преследуемых и мучимых «супротивным» царем и его сатанинскими слугами, палачами-«кромешниками». Основной объем свидетельств за 1563-1564 гг. и позднее, когда Курбский оказался на наместничестве в Юрьеве, а затем в эмиграции, относится к периоду до 1569-1570 гг. За это время донесения и слухи, приходящие из России, наиболее полны. Ко времени до 1569 г. относятся и некоторые политико-административные понятия, которыми пользуется князь Андрей (например, должность «подскарбия земского»). Особняком в «Истории» стоят сведения за 1571-1573 гг. Они концентрируются вокруг истории сожжения Москвы татарами Девлет-Гирея и казней кн. Михаила Воротынского и близких родственников Курбского – кн. Никиты Одоевского и Михаила Морозова⁴⁷. Эти события вынесены за пределы основного повествования второй части «Истории», и еще Александр Зимин высказал предположение, что они являются приписками к основному блоку информации⁴⁸. Наконец, ряд данных «Истории» мог быть получен не ранее середины 1570-х гг.⁴⁹ Ко второй половине 1570-х – началу 1580-х гг. относится, по всей видимости, и заимствование из Жития Николая Мирликийского в повести о Феодорите Кольском – одном из последних разделов «Истории»⁵⁰. Лишь предположительно можно высказать версию, что о смерти Никиты

⁴⁶ Там же. – Л. 78 об.

⁴⁷ К этому же периоду, возможно, относятся сведения о смерти Л.А. Салтыкова в 1571 г., В.В. Разладина около 1572 г., К. Търтова в конце 1572 – марте 1573 г. Следовательно, хронологический рубеж в «Истории» относится не к обстоятельствам сбора информации Курбским, а к его работе над текстом, который в какой-то версии или в рамках одних только первых двух мартирологов был завершен до весны 1573 г. См.: *Жданов И.Н.* Сочинения. – Санкт-Петербург, 1904. – Т. 1. – С. 158. Прим. 1.

⁴⁸ *Зимин А.А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // Труды Отдела древнерусской литературы. – Москва-Ленинград, 1962. – Т. 18. – С. 305-308; *Скрынников Р.Г.* Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. – Ленинград, 1973. – С. 103-105, 113.

⁴⁹ Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. with a transl. and notes by J.L.I. Fennell. – Cambridge, 1965. – P. 222. – Note 1; *Морозов Б.Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке странствующего монаха Ионы Соловецкого (к вопросу о распространении переписки в конце XVI-XVII в.) // Culture and Identity in Muscovy, 1359-1584. – Moscow, 1997. – P. 477-478; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 42, 44.

⁵⁰ *Владимиров П.В.* Новые данные для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского // Труды девятого Археологического съезда в Вильне 1893 г. – Москва, 1897. – Т. 2. – С. 312-313; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... – S. 204-205; *Калугин В.В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... – С. 39-42. См. также: *Ерусалимский К.Ю.* Андрей Курбский и Иван Грозный: борьба филологий: (по поводу двух работ В.В. Калугина) // Russia Mediaevalis. – München, 2001. – Т. X.1. – С. 303-324.

Казаринова-Голохвастова Курбский узнал от его родича Ивана Голохвастова, перешедшего в августе 1579 г. на службу к королю Стефану Баторию⁵¹, а сравнение Казани с Вильном появилось в атмосфере Московских походов, во время которых Курбский мог обращаться к своим слушателям непосредственно в столице Великого княжества Литовского в 1579, 1580 или 1581 г.⁵²

Цель «Истории» на протяжении работы над текстом могла меняться, однако если видеть в этом сочинении единство, то важно было бы проследить, как фрагменты мемуарно-информационного характера сменяются краткими предложениями и пространными рассуждениями о значении событий. Если встроить это сочинение в творческую лабораторию переводов Курбского и калейдоскоп его биографических данных, то окажется, что «воинские повести» возникли до того, как им был переведен «Новый Маргарит». В конце 1560-х – начале 1570-х гг. Курбский собирал данные для мартирологов и старательно упорядочивал их по родам, разделяв фамилии на титулованные и нетитулованные. Завершив работу, он уже должен был подразумевать создание единого текста, однако в этот текст были внесены поправки, относящиеся главным образом к событиям 1571-1573 гг. Ряд начальных фрагментов «Истории» и завершающий раздел ее первой части уже содержат явные следы влияния «Нового Маргарита», а третий мартиролог, или «история священномучеников», дорабатывался в то время, когда велись работы над томом «Симеон Метафраст» или он был уже готов. Причем повесть об Избранной раде и мартиролог священномучеников содержат цитатные и содержательные сходства с Третьим посланием Курбского 1578-1579 гг. и могли возникнуть или дорабатываться примерно тогда же – в конце 1570-х гг. Вряд ли Курбский работал над «Историей» после этого рубежа, но отдельные вставки он мог делать. В то же время на рубеже 1570-х и 1580-х гг. под влиянием «Истории» возникла вторая версия Первого послания Курбского. И создать ее князь мог, работая над сборником своих посланий, вошедших в Сборник Курбского, который в последние годы жизни автора пополнялся собранием «литовских» писем, «Историей о осьмом соборе» и небольшими переводными отрывками из Святых Отцов⁵³.

Отвечая на вопрос, какое место в педагогическом проекте Курбского занимает «История о князя великого московского делех», постараемся наме-

⁵¹ СК. – Т. 2. – Л. 102 об.; Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389, оп. 1, д. 66, л. 13 об.

⁵² СК. – Т. 2. – Л. 25-25 об.

⁵³ *Ерусалимский К. Ю.* Как сделана «История» А. М. Курбского: проблемы хронологии текста // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва, 2004. – Вып. 11. – С. 591-618. Обстоятельства возникновения сборника с «Историей о осьмом соборе» требуют специального исследования, однако уже сейчас необходимо отметить, что нет никаких данных о бытовании этого сборника отдельно от «Истории», тогда как в составе кодекса Уваровский № 301 с «Историей» он отделен кодикологической границей от сборника, состав которого идентичен другим спискам с «Историей» Тихонравовского вида.

тить наиболее важные идейные составляющие этого памятника, как правило изложенные бессистемно, но заявленные в связи и с прямыми ссылками на греко-римскую, библейскую и святоотеческую традиции. Прежде всего, слушателями книги являются молодые шляхтичи, которых Курбский иногда называет изнеженными воинами, призывая покончить со своим женоподобием и облечься в латы воина-гражданина своей республики, способного защитить ее от внутренних и внешних врагов⁵⁴.

Впервые в русской политической мысли прозвучало название православной русской общности – Святорусское царство, Святорусская империя. Прямая аналогия со Священной Римской империей показывала читателям, что речь в его книге шла о таком же могущественном государстве, как и европейская империя, в котором решаются судьбы христианства. Даже форма правления в Русской земле не отличается от здешней, европейской. Великие князья по своей власти сходны с королями, из их числа избирается на престол «старшая власть». Ее исток – все та же Священная Римская империя, откуда пришел Герик-Рюрик с шестью имперскими князьями, ставшими прародителями крупных боярских родов. «Пленицы» Рюрика обладают правом на главный престол, который долгое время был занят потомками Владимира Великого, затем перешел в руки суздальских и тверских князей и наконец – к московским. Курбский следует в русле московских конструкций, восходящих к «Сказанию о князьях владимирских» 1510-х – начала 1520-х гг. Только акценты расставлены непривычно для московской идеологии того времени: происхождение от легендарного брата Цезаря Августа, Пруса, не упомянуто, семь мужей, выехавших на службу Александра Невского, названы имперскими («решскими») князьями, а вместо истории постепенного восхождения московских великих князей к Ивану IV «Степенной книги» предложена история разделения христианской власти и выборного правления, которая сказывается даже на оценке правления царя Ивана.

Царь был «утвержден» в своем правлении мудрыми советниками, которые все в равной мере участвуют в борьбе за христианскую республику. Курбский в равной мере пользуется тремя формами – русской калькой «общая вещь», польско-литовской рутенской формой «речь посполитая» и транслитерацией «рез публика». Русская империя – это и республика, общее дело князей, бояр, всех воинов в защите православного отечества. Империя венчается царем, статус которого выше любого великого князя и тем более

⁵⁴ «Светлыми» Курбский называет, видимо, людей образованных. Однако в «Истории» он обращается именно к «воину», то есть в первую очередь к православному шляхтичу. В «Новом Маргарите» «пресветлый» служит пояснением к слову «знаменитый» (NM. – Vd. 1. – Vl. 72v. Anm. f). В глоссах к агиографическому своду встречается пояснение к выражению «в жытню и во обычаех и во благочестию знамянитых» к слову «знамянитых»: «светлых». И на том же листе к слову «знамяните» основного текста глосса: «нарочите» (Отдел рукописей Государственного исторического музея. – Синодальное собрание, № 219. – Л. 416).

князей и нетитулованных дворян. Однако, как и в трудах Иоанна Златоуста, главенство царя над республикой в «Истории» продолжается до тех пор, пока Иван Грозный соблюдает Закон Божий, а затем на смену царю земному приходит Царь Небесный, чью власть Курбский открыто противопоставляет власти земного царя, нарушившего заветы и обратившегося к «широкому пути» греховной жизни. Греховность великого князя не предопределена, но «зло» сохраняется в роду московских великих князей и воплощается в преследовании своих родичей и слуг ради наживы и разграбления их богатств. История представляет собой неканоническую трагедию, в которой «злое начало» возникает из греховных поступков и сохраняется из поколения в поколение, выступая в различные моменты истории и разрушая даже благие начинания. В «Новом Маргарите» Курбский пользуется для обозначения такого вмешательства небесных сил в жизнь республики латинской транслитерацией «пляги» и поясняет ее для читателя: «Сиречь казни з гневом Божиим за грехи от высоты пуцаемые»⁵⁵. Грех не наследуется, но Господня кара может охватывать несколько поколений. Такие случаи известны Ветхому Завету, и один из них из Второзакония вспоминает князь Андрей в послесловии к своему Первому посланию: «Моавитин и аммонитин, и выbledок до десяти родов во церковь Божию не входят!»⁵⁶.

Благодаря органической метафоре, уподобившей республику единому организму, Курбский развивает идею о царе-«главе» и советниках-«удах»⁵⁷. Однако Курбский, также вслед за Иоанном Златоустом, допускает поставление царя на престол волей людей и считает, что и царь Иван получил свой царский венец благодаря утвердившим его на троне мудрым советникам и благословиению константинопольского патриарха⁵⁸. Центром республики князь Андрей считает не голову и не «уды», а сердце, которое является «средней частью души» и, «яко среда и владыка всего тела», распределяет чистую кровь «во все жылы»⁵⁹. Образцом для него служит при этом одно из важнейших достижений ренессансной анатомии и медицины – открытие функции желудочков сердца в передаче крови и их связь с легкими, изложенное в трудах Мигеля Сервета («*Christianismi Restitutio*», 1553 г.) и Маттео-Реальдо Коломбо («*De re anatomica*», 1559 г.)⁶⁰. Причем данная метафора находит многочисленные символические подтверждения в Библии и поясняет

⁵⁵ NM. – Bd. 2. – Bl. 178v. Anm. g.

⁵⁶ ПИГАК. – С. 9, 11; Втор. 23:2-3. См. комментарий: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 288.

⁵⁷ *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s – 1570-s. – Saarijarvi, 2000. – P. 62, 77, 83.

⁵⁸ NM. – Bd. 1. – Bl. 21v-22; Bd. 2. – Bl. 199v.

⁵⁹ DJD. – S. 182 (Bl. 46a. Anm. 200).

⁶⁰ *Auerbach I.* Russische Intellektuelle... – Bd. 3. – S. 16-17.

не только движение и укрепление «растительной души части и тела», но и тайну тела Христова, поскольку по аналогии с очищением физического тела Животворящий Дух, преобразив («преложивши») хлеб в Тело Чистое, а вино в Кровь Мирочистительную, утверждает тело, укрепляет душу верующих и истребляет грехи⁶¹. Подобно сердцу в теле, в республике совет избранных утверждает и укрепляет политическое тело и его голову, а злой совет приводит к загрязнению всего тела, в том числе головы, к болезни, запустив которую, республика обрекает себя на «гагрину» и на превращение политического тела в «дикое мясо». Органическая метафора объясняет и злую наследственность. Передавая «прескверное семя», испорченное колдовством великих княгинь-иноземок и «баб», шепчущих заговоры, великие князья сеют в своем роду семя вражды, которое может в результате пресечься. Курбский предрекает гибель рода царя Ивана за его деяния.

Миссия советников в республике в том, чтобы «утверждать» монарха, поддерживать его мудростью и восполнять его недостатки своими дарами Святого Духа. Единство даровитых людей и воинов Христа составляет общее дело, республику Святого Духа, Святорусскую империю. Ее пределы расширяются за счет мудрых советов, и главное дело этого единства в том, чтобы спасти братьев во Христе из плена неверных и расширять пределы христианской империи. В «Новом Маргарите» Иоанн Златоуст объясняет смысл Воплощения Бога-Сына и предлагает сравнить, какой царь заслуживает большей похвалы своим подобием Христу, посланному на спасение человечества: «Егда царь прехвалнейшим, внегда облечен в порфиру, диадимому украшенный, сияюще златом, престолом високий, ко множеству всяко не изходит, но те в тайне бывають, али когда в поле обращающе тварю и честию последний, в бедах первый, отягченный железом, вооруженный зброєю, за отечество, за гражан, за чада, за живот всех припирает врага, убытки [гlossa: тщеты] презырает, забывает врага раны, смерть здравия ради своих радостию приемлет, ижбы вящей зрением забытием смерти, нежели одолением недруга отнес триумф [гlossa: победу радостотворную]»⁶². Ответ на этот вопрос очевиден: золотые убрания меркнут перед скромными доспехами воина, в которых царь готов отдать жизнь «за отечество, за гражан за чада». Таким был и царь Святорусской империи. Хотя в решающий момент битвы за Казань его и пришлось «хотяща нехотяща» вывести на поле боя, а на Крым сколько ему ни советовали «да подвигнется сам своею главою», чтобы там навсегда погубить «врагов своих старовечных, христианских кровопивцов и избавити пленных множашах от древле заведенные работы, яко от самых адских пропастей», выйти в поход так царь Иван и не решился. Отрывки «Нового Маргарита» о миссии Спаса и «Истории» о Перекопе под-

⁶¹ NM. – Bd. 2. – Bl. 242v. Anm. c.

⁶² Там же. – Bd. 1. – Bl. 38.

водят к одной и той же цитате: «Нихто же большую любовь имеет, яко хто полагает душу за други свои» (Иоанн. 15.12-13)⁶³.

История не подчиняется предопределению. Курбский обличал волхвателей и верящих в колдовство, видел в тех и других преступников против свободы воли. Не было места в истории и божественному предопределению. В одном из примечаний «Нового Маргарита» предложено толкование слова «фатум» как заблуждения, ереси, согласно которой существует «усуждение Божие неотменное овым мучитися, овым царствовати», как если бы человек мог быть добрым или злым не по «свойственной воле и произволению», а «по нужде и по написанию неякому»⁶⁴. Отчасти Курбский ориентируется на дискуссию, прошедшую в Москве еще в правление Василия III, о возможности предопределения и месте астрологии в политике. Как и его учитель Максим Грек, Курбский отзывается о «звездочетах», считая их учениками «перских волхованей», а не поборниками «истинные астрологии»⁶⁵, а идею предопределения судьбы рождением человека «под таковою звездю albo в такой час» считает безумием, нарушением естественного самовластия⁶⁶.

Перед Иваном с самого начала «Истории» оказывается нелегкая, но все же выполнимая задача – он должен искупить грех, освободить себя и республику от Божественной кары. Мудрые опытные советники знают путь к исцелению души великого князя⁶⁷. Они «утверждают царя», причем не только на троне и на поле брани, но и в добродетелях, в целомудрии. Во всех своих проявлениях без поддержки «избранных», «нарочитых» советников Иоанн ущербен. Его качества упрямо тянут его в грех. «Велицые и гордые паны», московские бояре, соревнуются между собой в лести и угождении юному монарху, с помощью которого они «ретятся» между собой⁶⁸. Курбский не отступает от того образа детства и юности Ивана IV, который широко распространился в конце 1540-х – начале 1550-х гг. и сохранился в исторической памяти вплоть до нашего времени. Необузданное и своевольное боярство борется за придворное влияние, разлагая душу великого князя и используя его в своих корыстных целях, пока тот сбрасывает животных с «высоких стремнин», а затем переключается на бессудные казни и убийства

⁶³ В данном случае получил развитие идеал религиозного спасения как искупления, понимаемого в равной мере как выкуп и жертва. Об этом см.: *Bogatyrev S. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // Slavonic and East European Review. – London, 2007. – Vol. 85. – P. 286; Wizenrath Ch. Rachat («rédemption»), fortification et diplomatie dans la steppe – la place de l'Empire de Moscou dans la traite des esclaves en Eurasie // Esclavages en Méditerranée. Espaces et dynamiques économiques. – Madrid, 2012. – P. 181-194.*

⁶⁴ Там же. – Bd. 2. – Bl. 239. Anm. a.

⁶⁵ DJD. – S. 228 (Bl. 57b. Anm. 2100).

⁶⁶ NM. – S. 236 (Bl. 59b. Anm. 400).

⁶⁷ *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 173.

⁶⁸ СК. – Т. 2. – Л. 3 об.

людей, носится со сверстниками по улицам и торжищам, проливает кровь своих приближенных и погрязает в пьянстве и разврате. Перелом наступает лишь после первой общей кары, посланной Богом на смирение республики и великого князя. Пожар 1547 г. представлен у Курбского, как и в официальном летописании, как наказание, после которого царь резко поменялся. Избранные советники привели его на «узкий путь» покаяния с широкого пути, ведущего его самого и всю страну к гибели.

Перелом не был окончательным. В этом проявляется еще одна сторона моральной философии Курбского – он убежден, что став на спасительную «лестницу», правитель, как и воин-гражданин республики не гарантирован от падения. Тем более сложным это было в случае царя Ивана, отягощенного грехами и вернувшегося на «узкий путь» благодаря лжи во спасение попа Сильвестра, запугавшего его «детскими страшилами» в зареве московских пожаров. Злые советники все же одерживают победу: советы царю Вассиана Топоркова, влияние «шурьев» Юрьевых, шепот «во уши» клеветников, зависть «избранным» советникам, глупость и неопытность царских дьяков, корыстолюбие и интриганство новых выдвиженцев в конце концов крушат душу царя и прекращают его целомудренное, умеренное правление. Все достижения Избранной рады идут прахом – Москва горит в пожаре крымского нашествия, царь погружается в пиры и разврат, его «кромешники» разрушают царство изнутри и убивают верных слуг царя, оставляя на месте идеального царства мартирологи второй части «Истории», а на месте христианского царя самого Христа, единственного подлинного Царя в Святорусской империи.

«История» обнаруживает немало параллелей с письмами высшей знати Речи Посполитой второй половины XVI в. Курбский использует поговорки, находящие прямые аналоги в русской и европейской энциклопедической и эпистолярной культуре (в «Истории» обнаружены заимствования из сборника «Пчела», из комментария У. да Кресчентино к посланиям Цицерона, из сборника афоризмов и анекдотов Э. Роттердамского, из словаря К. Геснера и А. Калепино и др.). В восточноевропейской культуре «История» Курбского занимает исключительное место, будучи не только ответом на вопросы «многих светлых мужей» о царе Иване Грозном и его тирании: «Откуда сия приключишася?» и т. д., как это указано в зачине произведения⁶⁹. «История» Курбского отчасти является и ответом на письмо или письма царя Ивана IV и в завуалированной форме – посланием к современникам, написанным с применением свойственных переписке риторических формул и приемов. Однако, по всей видимости, «История» Курбского не нашла своих читателей при жизни автора⁷⁰.

⁶⁹ Об этом см.: *Ерусалимский К.Ю.* Андрей Курбский как ренессансный историк // *Время – история – память: историческое сознание в пространстве культуры.* – Москва, 2007. – С. 181-226.

⁷⁰ О частных архивах кн. А.М. Курбского и его потомков см.: *Ерусалимский К.Ю.* Архивная культура в ситуации фронта: Московские эмигранты в Речи Посполитой XVI-XVII вв. //

Новація ренесансного мыслителя – это возмущение преследованиями за инакомыслие, за ереси. Как отметил Руслан Скрынников, спор между царем и Курбским сосредоточен «на вопросе, кто остался верен идеалу христианского царства, а кто стал «сопротивен» ему, то есть впал в ересь»⁷¹. Уличенный в ереси, воевода был приравнен в своем отечестве к «ересиархам», а значит, не мог искать заступничества церкви «от Вавилона»⁷². В ответ звучит его упрек царю, что и он, и его окружение впали в «небытную ересь»⁷³. Воздавая «неслыханными от века» муками, казнями и гонением своим верным слугам, царь прельстился еретической мыслью, что сам он вечен и не будет отвечать за свои суды перед Неумытным Судией. Курбский убежден, что с ересями нужно бороться, как нужно искоренять плевелы в чистой вере. Его сочинения полны обличения реформационных учений, перед которыми меркнут даже разногласия между православными и католиками. Более того, он убежден, что еретики сами себя обличают и проклинают на вечную погибель. В толковании Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея второе испытание Христа, когда дьявол «на крыле церковном» призвал Его «верзися доле!», звучит комментарий Златоуста о том, что дьявол так уже «многих еретиков от высоты вселенские веры в пропасти свергнул, так некоторых по делам праведных якобы с вежи сревает, егда от смирения Господня отлучит и в гордость разума вознесет»⁷⁴. Однако кн. Андрей не допускает физического насилия по отношению к еретикам, сближаясь во взглядах с европейскими интеллектуалами, первыми в мировой истории защитниками толерантности. В «Новом Маргарите» Иоанн Златоуст упоминает еретика Фотина, учившего о непредвечном начале Бога-Сына с момента Воплощения, то есть Рождества, и Курбский и его сотрудник поясняет: «яко и нынешнего века еретици, глаголаемые новокрещенцы, их же безбожия наследуют многие неразумные»⁷⁵. В житии римского папы Сильвестра Курбский находил оправдание своей позиции, в отличие от новгородского архиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого, искавших в святоотеческой традиции доказательств в пользу смертной казни для еретиков. Житие Сильвестра, вновь переведенное Курбским для агиографического свода, на рубеже 1480-1490-х гг. представлялось обличителям ереси «жидовствующих» подозрительной книгой, распространяемой еретиками⁷⁶.

Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV-XVIII стст.): 3б. навуковых прац. – Мінск, 2014. – С. 105-138.

⁷¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. – Санкт-Петербург, 1992. – С. 196.

⁷² Флоря Б.Н. Иван Грозный. – Москва, 1999. – С. 154-158.

⁷³ ПИГАК. – С. 7. О «небытной ереси» в ППК и «Жалобе» Исаяи Каменецкого см.: Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский... – С. 236-237.

⁷⁴ NM. – Vd. 2. – Vl. 189. В цитате опущена одна глосса.

⁷⁵ Там же. – Vd. 1. – Vl. 17v.

⁷⁶ Калугин В.В. Предисловие. «Житие Сильвестра, папы римского»... – С. 9-12.

Константина Острожского Курбский призывает прогнать от себя еретиков – не убить, не ритуально сжечь, а всего лишь удалить от себя. В «Истории» Курбский хвалит преследование еретиков в Москве, когда их наставляли и исправляли, а не преследовали. Дело Матвея Башкина и Феодосия Косого 1553-1554 гг. показало расхождение в церковных кругах – за мягкость по отношению к «раскольникам» осужден был как еретик Артемий, бывший игумен троицкий, оправдываться перед судом пришлось и благовещенскому попу Сильвестру. Артемию принадлежат слова, идущие вразрез с «Просветителем» Иосифа Волоцкого и церковной политикой «иосифлян»: «Учити бо достоин, а не мучити»⁷⁷. Недостаточно уже не говорить о насилии, пришло время прямо возмущаться жестокости в борьбе с толкователями священного. Кто-то в Палестине и не только говорил по глупости, будто Христос родился не в тот день, который отмечает Церковь. Таких неучей Иоанн Златоуст «легче исправляет и легчайше обличает, наказующе апостольски». Легко и легчайше – а не как «нынешнего века пастыри», что за мелочи, за «запятые от сатаны» и хромому «в догматах», «проклинают зелне и отгоняют от Церкви, но заточают до смерти, а некоторые сожигают жестостию, расточают паче, а не собирают любовию кротости»⁷⁸. В Третьем послании царю Ивану приведен перевод из Цицерона, в котором звучат слова: «Яже человека убил? Погубил еси!»⁷⁹. Почти теми же словами современник Курбского С. Кастеллио оппонировал Ж. Кальвину в трактате «О еретиках» («De haereticis, an sint persequendi») 1554 г. и в рукописном послании «Против книги Кальвина» («Contra libellum Calvinii in quo ostenditur conatur haereticos jure gladii coercendos esse») того же года, обвиняя его в ритуальной казни М. Сервета и преследовании соратников за веру: «Убить человека не значит защитить учение, это значит – убить человека. Когда женеццы убили Сервета, они не защитили учение, они убили человека»⁸⁰. Курбскому чужд очистительный порыв Иосифа Волоцкого, а самих иосифлян он считает виновниками духовных бед, разложения монашества и развращения власти. В комментарии к «Диалектике» Иоанна Дамаскина Курбский обвиняет монахов-иосифлян в той же «небытной ереси», что в своем Первом послании он упрекал царя Ивана: «не надеются за все прегрешения ответа дати на суде»⁸¹. Никакие костры инквизиции не помогут обрести подлинную веру, однако пришло время говорить о том, что творимое от лица Церкви есть скрытое под

⁷⁷ Калугин В.В. Артемий // Православная энциклопедия. – Москва, 2001. – Т. 3. – С. 458-462.

⁷⁸ NM. – Bd. 1. – Bl. 13v. Anm. d.

⁷⁹ ПИТАК. – С. 113; СК. – Т. 2. – С. 332. Ср. у Цицерона: ««Qui hominem occiderit»: tu plurimos occidisti» (Tomelleri V. Ancora sulla traduzione slavo-orientale dei *Paradoxa stoicorum* di Cicerone. Il Quarto paradossio // Russica Romana. – Pisa-Roma, 2013. – Vol. 20. – P. 56).

⁸⁰ Zagorin P. How the Idea of Religious Toleration Came to the West. – Princeton University Press, 2003. – P. 119.

⁸¹ DJD. – S. 562 (Bl. 141a. Anm. 800).

мантией и «румянцем» древних учителей беззаконие. Впрочем, в русских землях Курбский не был первым противником инквизиции. Против казни за ересь выступал опальный и насильственно постриженный в монашество кн. Вассиан Патрикеев, около июля 1511 г. – июня 1514 г. составивший «Списание на Иосифа Волоцкого»⁸². Противником подходов Иосифа Волоцкого к очищению православия от еретиков был и Максим Грек. И Вассиан, и Максим обладали в глазах князя Андрея непререкаемым авторитетом. Мог он знать и еще об одном полемическом сочинении. Не ранее 1510-х гг., но возможно – около того же времени, когда дискуссия о религиозной толерантности вспыхнула между Кальвином и Кастеллио, «кирилловские старцы», то есть монахи Кирилло-Белозерского монастыря, вслед за Патрикеевым дали отповедь на слова Иосифа Волоцкого «грешника или еретика руками убить или молитвою – едино есть». В распоряжении его противников были книги Библии, правила Василия Великого, Слово о Василии Великом Амфилохия Иконийского, слова Григория Богослова, постановления Вселенских соборов, Лествица Иоанна Лествичника, жития Саввы Освященного и епископа Льва Катанского, Пролог и Минея⁸³. В сочинениях Курбского защитником еретиков от насилия стал их обличитель, неоднократно цитируемый в сочинениях Иосифа Волоцкого, – святитель Иоанн Златоуст.

Двуединство тела и души царя Ивана превратило его образ в «Истории» в предмет для неоплатонической рефлексии. Тело разрушается, душа же пребывает и сохраняет человека во всей полноте его деяний. На Страшный суд явится не только вечная душа, но и тело – «грек, жидовин и еретик»⁸⁴. Обязанность каждого человека, как властителя, так и раба, в том, чтобы хранить свою душу верной Богу, на узком пути спасения. Путь христианского воина сопряжен с опасностями «двух драконов». Внешнему дракону противостоять нужно с оружием в руках и с готовностью положить душу «за други свои», за единоверцев, а если воина ждет плен, то бороться и в плену, не боясь смерти. Внутреннему дракону и его «сопоспешнику», крушащему православное царство, должно быть оказано сопротивление. Согласно глоссам к «Новому Маргариту», телом раб должен подчиняться господину, но лишь до того предела, пока «злыми делы» в душе «святая их совесть» не осквернится, если же раб не слушается и будет за это убит, то причтется к лику мучеников⁸⁵. Человек обязан сопротивляться тирану, противостоять

⁸² *Ахматов Ю.В.* Слово на «Списание Иосифа» – памятник раннего нестяжательства // Записки отдела рукописей [Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина]. – Москва, 1990. – Вып. 49. – С. 123-127.

⁸³ *Плигузов А.И.* «Ответ кирилловских старцев» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – Москва, 2001. – № 5. – С. 1-17.

⁸⁴ NM. – Bd. 1. – Bl. 83v.

⁸⁵ Там же. – Bl. 97. Anm. a, b, c, d.

насилию, и лишь младенцы одним только мученическим закланием причитаются к Христову воинству и обретают вечную жизнь.

В трудах А. Курбского представлено неоплатоническое учение о подвижном двуединстве словесного (разум) и бессловесного (естество) начал в душе, как едином микрокосме. Высшее начало в человеке, соединяющее его с Богом, – разум, который должен быть направлен на осмысление всего, что способен человек помыслить о божественном – известное еще иудаизму представление о Едином Боге и почерпнутое из эллинской философии учение о неслиянности ипостасей. «Богословие» Иоанна Дамаскина, переведенное в книжной мастерской Курбского, открывало перед читателями всю полноту истинного учения о православии. В своем стремлении к целомудренной жизни человек руководствуется разумом, а царь и его советники – к благополучию «республики». Республика подобна Рахили, оплакивающей своих детей, в ней «сопираются аффект и вера, человеколюбие со благочестием сражается», и в этом противостоянии «рыдает аффект, но вера радуется». Курбский не придерживается манихейского учения о борьбе дьявольского тела и божественной души – оба начала вложил в человека Бог, в «зверскую часть души» Он поместил аффекты, которые по-славянски принято называть «страстями» или «пристрастиями», но Курбский считает правильным определить «объятиями», «яко то радости ради смех, беды або напасти ради – печаль»⁸⁶. Радость и печаль являются естественными состояниями, человеческим в человеке. Христос плакал над Лазарем как человек, но воскресил его как Бог. «Естественное» в душе человека создано по образу Бога, а в республике – по образу Царствия Небесного. Греховную нечистоту «внутреннего дому» в обоих случаях можно обмыть и очистить «тщанием учения духовного»⁸⁷.

Существо сотворенное и преходящее, человек, как и республика, опирается не только на божественные законы, данные ему в Откровении и через разумную деятельность, но и на естественные законы, открывающие перед ним свободу выбора жизненных путей⁸⁸. Как отметил Сергей Елисеев: «Свобода воли правителя и знати играет решающую роль не только в сфере индивидуальной нравственности, но и в социально-политической жизни, их выбор решает не только судьбу их души в загробном мире, но и судьбу всего общества в его реальной земной жизни»⁸⁹. Свободой воли обладают все разумные существа, в том числе и ангелы, часть которых отпала от Бога.

⁸⁶ Там же. – Bd. 2. – Bl. 172. Anm. e; Bd. 3. – Bl. 340. Anm. d; Bl. 341. Anm. b; Bl. 381v. Anm. b.

⁸⁷ Там же. – Bd. 2. – Bl. 181v.

⁸⁸ *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. – Москва, 2000. – С. 306-312.

⁸⁹ *Елисеев С.А.* «История о великом князе Московском» А.М. Курбского как памятник русской исторической мысли XVI в. Дисс... канд. ист. наук. – Москва, 1984. – С. 101; *Его же.* О некоторых особенностях философско-исторических взглядов Курбского // Вестник Московского университета. Серия 8. – Москва, 1983. – № 3. – С. 68-77.

Человеку свобода воли тоже дана Богом для того, чтобы выбирать между началами в своей душе, направлять ее на путь «узкий» или «широкий», к целомудренной и умеренной жизни или к греху и вечной гибели. Свобода воли является высшим божественным даром, и Курбский сравнит этот дар с царской жалованной грамотой-«привилеем» («златопечатный лист, або грамота, самого царя рукою подписана»)⁹⁰. Естественные законы признаны и соблюдаются не только у христиан, но и у «поганских философов», варваров и эллинов, соблюдать и защищать их должны и христианские правители, а покушение на них карается восстанием против тиранов, бегством граждан в земли, где нет «естественной болезни» и соблюдаются права и свободы, или прямой Божьей карой, ниспосылаемой на республику⁹¹. Однако «естественное самовластие» дано человеку как природное начало, оно не может без помощи разума привести его ни к чему хорошему. Если человек не научается жить под управлением разума, то ему остается только «познания свини пасти», иначе говоря «скверные и нечистые в душе своей воспитовати помыслы и питатися брашном неразумным злаго жытия»⁹². Отзвуком этой метафоры станет сравнение людей, безвыездно затворенных в своем отечестве, как в «адовой твердыни». Они – как свиньи в хлеву. Свиньям, валяющимся в собственном кале, подобны и монахи русских монастырей-тюрем⁹³.

В идеальном человеке или республике разум управляет чувствами, а чтобы достичь благоденствия – опирается при этом на дары. Дары Святого Духа позволяют укрепить разумное начало и упростить движение по узкому пути спасения, но ими наделен каждый человек по своей мере, а царь должен недостигающие дары в своей душе возмещать с помощью своих мудрых советников, которые укрепляют, утверждают царя, сдерживают его душу «узкою крепкою и браздами»⁹⁴. За душу царя борются не только спасительные силы, но и темные, слуги дьявола и его бесов, злые советники, изгоняющие от царя «мудрых синклитов» и ведущие его на «широкий путь»⁹⁵. Нигде в «Истории» Курбский не говорит, есть ли «третий путь», умеренная добродетельная жизнь, подобная политическому и этическому идеалу Аристотеля. Однако открыв «Новый Маргарит», читатель мог уточнить перспективу «двух путей», которая не оставляет места для этического «чистилища». Авторитетом Иоанна Златоуста осенен идеал «среднего пути»: «Забывши добродетелей, крепкую память о гресех да содержим, ижбы средним могли уподобитися и в будущем возвеличитися, и залог крайнего достояния получитьи», и к слову «средним» глосса: «Сиреч средним путем шествовати»⁹⁶.

⁹⁰ DJD. – S. 414 (Bl. 104a. Anm. 400).

⁹¹ СК. – Т. 2. – Л. 72 об.; ПИГАК. – С. 113.

⁹² NM. – Bd. 2. – Bl. 182v-183.

⁹³ СК. – Т. 2. – Л. 33 об.-34; ПИГАК. – С. 110.

⁹⁴ Там же. – С. 107.

⁹⁵ Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика... – С. 315-317, 323.

⁹⁶ NM. – Bd. 3. – Bl. 325v. Anm. e.

Идея срединного состояния пронизывает все творчество Курбского. Будучи наследием греческой философии, она вызывала критику европейских богословов еще во времена известного средневекового итальянского философа и теолога Бонавентуры (1221–1274 гг.), который язвил, что следуя Аристотелю, идеальным состоянием для мужчины было бы среднее между полным воздержанием от женщин и обладанием всеми женщинами, то есть обладание половиной всех существующих женщин⁹⁷. Пройдя через горнило неоплатонического христианства в эпоху Возрождения, идея *aurea mediocritas* привела к новому культурному ориентиру. Человек предстал в образе духовно-телесного микрокосма, он занял в неколебимом Божественном мироустройстве среднее положение между Богом и материей. Возвращение к этике и политическому учению Аристотеля, выразившееся в бурном расцвете публикаций его сочинений после выхода в свет «Органона» в 1495-1498 гг., отразилось и на православном мыслителе второй половины XVI в.⁹⁸ Курбский комментирует «Богословие» Иоанна Дамаскина и отмечает, что наша жизнь опирается («живот наш содержится») на три зримые начала («части»). Низшее, чувственное, у «безсловесных» занимает «вышнее место», позволяет им прорасти и расти, но тянет их «ко долу». В людях господствует «среднее», мысленное и разумное, благодаря которому возможно «движение волное и самовластное по естеству, а того ради человек по естеству самовластный и волю имеет по естеству ему приданную»⁹⁹. Третье начало – божественное триипостасное, единая по своей природе и воле Троица в ликах Отца, Сына и Святого Духа, в которой Христос имеет единое существо Бога и человека. От человека Логосу-Христу дано было качество «совершенного человечества, сиречь души словесные и разумные»¹⁰⁰. Вокруг третьего начала ведутся жаркие догматические дебаты, и в книжной мастерской Курбского появляются глоссы к рассуждениям Дамаскина, призванные противопоставить «Богословие» антитринитарным ересям¹⁰¹.

Как мы уже видели, рассуждая о «сердце», Курбский высказал, что средняя часть души «душевная» и «разумная» в человеке занимает высшее положение. Ей отведено богообщение. Противоречия здесь нет: душа движется, ее путь незрим, но расстояние от «растительной» или «садовой» части души до «разумной» душа проходит, очищаясь в горниле истинной веры и приближаясь к божественному началу. Человек опирается на разум, поэтому

⁹⁷ *Либер А. де.* Средневековое мышление / пер. с фр. А.М. Руткевич, О.М. Голова. – Москва, 2004. – С. 177.

⁹⁸ Об аристотелизме в книжности конца XV-XVI в. см., например: *Смит Р.* История гуманитарных наук. 2-е изд. / Пер. с англ. под науч. ред. Д.М. Носова. – Москва, 2008. – С. 20-35.

⁹⁹ DJD. – S. 344 (Bl. 86b. Anm. 20^{oo}). Здесь и далее комментарий к главе «О свойствах двух естеств» (кн. III, гл. 13) «Богословия» Иоанна Дамаскина.

¹⁰⁰ Там же. – S. 220 (Bl. 55b. Anm. 20^{oo}).

¹⁰¹ Там же. – S. 348 (Bl. 87b. Anm. 11^{oo}, 22^{oo}, 24^{oo}).

и отступления от разумного грозят для него трагедией. Либо воля «с советом и разумом» правит в душе и ведет человека, либо самую волей управляет «естественное вождение безсловесные части души»¹⁰². Максим Грек в «Истории» порицает царя Ивана за религиозное рвение, за «обещания не по разуму», которые приводят его сына к смерти, а его самого под власть губительного для республики злого совета Вассиана Топоркова¹⁰³. Свобода воли – тяжелый дар, требующий постоянной борьбы с самим собой, со своей растительной и зверской (иначе еще – «колеблющейся») природой. Однако наибольшие мздовоздаяния приходят не тому, кто получил больше «от естества», награжден будет за любое «благое произволение», даже и «за чашу студеныя воды», смиряющий себя, обуздывающий свою низшую природу¹⁰⁴. Стремление царя покорить свое «зверское» начало похвально и поддержано «избранной радой», но не успел царь начать борьбу, как почувствовал себя победителем. Его слова звучат тревожно для сторонника мудрого «срединного» правления, который понимает, каким будет ответ: «Едино пред себя взяти, или здешное, или тамошное!»¹⁰⁵. Царь не видит среднего пути, а значит, над ним самими и над всей республикой нависла угроза. Политическое тело управляется сердцем в союзе с головой, но от головы зависит, будет ли в сердце самого царя и в сердце республики поставлен престол дьяволу или – совет избранных и каким будет «брашно жития», которое расщепится в «хилюс», пройдет в «чревцо», из него в легкие и оттуда с кровью достигнет сердца, чтобы «среда и владыка всего тела» наполнил им все «жилы».

«История» – не только рассказ о прошлом, но и поучение. Ее риторический автор и адресат на протяжении текста меняют свои обличья, но в заданных рамках. Курбский обращается к читателю «Истории» с призывом «приклонить уши», чтобы внять и поступать согласно поучению – в «Новом Маргарите» находим такой же оборот, характеризующий отношения учителя и ученика¹⁰⁶. Начало «Истории» раскрывает перед читателем замысел ответить на многократные докучливые вопросы «светлых мужей». Неоднократное обращение к «распешенному воину» в последующем повествовании знакомит читателя с идеальным воспитанником князя Андрея. Это изнеженный, окруженный жизненными радостями рыцарь, забывающий о своем предназначении. Его образ восходит к риторическому адресату Иоанна Златоуста – вспомним «женоугодного рыцаря», которого Иоанн призывает идти в бой и своими подвигами заслужить перед Царем Небесным «стражиства»¹⁰⁷. Курбский воспитывает на примере крушения Свято-

¹⁰² Там же. – S. 212 (Bl. 53b. Anm. 1500).

¹⁰³ СК. – Т. 2. – Л. 33.

¹⁰⁴ NM. – Bd. 3. – Bl. 378v. Anm. a.

¹⁰⁵ СК. – Т. 2. – Л. 129 об.

¹⁰⁶ NM. – Bd. 2. – Bl. 200v-201.

¹⁰⁷ Там же. – Bd. 3. – Bl. 334v-335.

русской империи такого воина, который должен увидеть, что продвижение «по степенем» военной службы открыто для тех, кто готов обогреть руки в крови неверных, а путь к высотам веры пролегает через готовность сражаться словом и поступками и умереть за православие. Как и ученик ритора IV в., юный «рыцарь» в школе Курбского должен расстаться со своей «женовидностью», осознать «возложенную» на него миссию, облачиться в «панцырь» истинного учения и храбро вступить в бой, чтобы погибнуть или стать полководцем Христова воинства. Обучение происходит по модели, которая усвоена Курбским из Отцов Церкви, и прежде всего – из переведенных им и его сотрудниками Слов Иоанна Златоуста. Святой также обращается к христианскому воину и порицает своего слушателя за неверие: «ты еси недоверок, ты в немощном и в смертном теле, якое получиши прощение о воскресению сомневающе!»¹⁰⁸. У Курбского также в самом конце его «Истории» появляется признание, что не все вспомнил он о священномученике Феодорите и в чем-то мог ошибиться («всех по ряду не написах»¹⁰⁹). Почему? Из-за стремления к «краткости истории», а также «зде живущих грубых и в духовных отнюдь неискусных, к тому и маловерных ради человеков»¹¹⁰. Если бы и написал, читатели не поверили бы таким божественным чудесам и откровениям.

В последние годы жизни Курбский приблизился к задаче исторического осмысления святости. Примеры церковных учителей Сильвестра, Артемия, Германа Полева, митрополита Филиппа, Феодорита Кольского, Порфирия служили доказательством того, что чудеса не угасают, а готовность отстаивать истину перед мирскими властями, разоблачать их пороки и пострадать за веру вызывает аналогии, для которых Курбскому понадобились примеры древних житий. Маловерный слушатель и читатель «Истории» должен был научиться целомудрию и готовности сражаться за истину по новым примерам, наследующим подвигам Иоанна Крестителя и Иоанна Златоуста из «Нового Маргарита», Николая Мирликийского из «Симеона Метафраста», мученикам за веру из «Церковной истории» Евсевия Памфила, отрывки из которой вошли в самый поздний авторский сборник сочинений Курбского, приложенный в какой-то момент, на Волыни или уже десятилетия спустя в Москве, к его «Истории». «Избранные советники» Курбского – реальные исторические деятели, но их поступки и речи раскрываются в той мере, в какой они следуют святоотеческим образцам. Сильвестр и Адашев изгнаны из Москвы и осуждены в прямом подобии суду и изгнанию Иоанна Златоуста из Константинополя. Мудрость старца Максима должна быть очевидна в том, как он, отстаивая подлинное православное понимание разума и разум-

¹⁰⁸ Там же. – Вд. 1. – Вл. 85.

¹⁰⁹ СК. – Т. 2. – Л. 128.

¹¹⁰ Там же.

ного поступка, противостоит ложному благочестию, приводя в пример ветхозаветного царя Давида и обращаясь в пророка, чье пророчество в точности исполняется. Михаил Репнин наставляет царя благочестию, не отступая от хорошо известных самому Ивану IV постановлений церковно-земского Стоглавого собора 1551 г. Закованный в железо Иван Шереметев Большой, лежа на пыточном «остром помосте», говорит с царем цитатами из Отцов Церкви, как «намудрейший философ или учитель великий». Исследователи давно отмечают, что диалог Ивана Грозного с Шереметевым пронизан житийными мотивами. Прямым аналогом ему могут служить слова Георгия Победоносца императору Диоклетиану в Житии мученика, переведенном при участии Курбского¹¹¹. Петр Туров преисполнен даром предвидения и сообщает Курбскому о скорой своей смерти¹¹². Сам Курбский берет пример с Максима Грека и пророчесствует в «Истории» о скором пресечении царского рода в Москве.

Подвиг святого в «Истории» иконичен, в нем запечатлеваются древние подвиги, нередко прямо упомянутые Курбским. Преобразование в подобию Ивана и его древних предшественников не статично, а подчиняется воле и свободному выбору царя. Пример, навеянный в Третьем послании Курбского Ивану Грозному «Новым Маргаритом»: апостол Петр отрекся от Христа, но покаялся и был прощен, тогда как Иуда был и остался «супротивен» Богу¹¹³. Царь Иван, шедший сначала по пути апостола Петра, согласно Первому и Третьему посланиям Курбского, «сопротивным обретется», то есть обратился «сопротив Господа»¹¹⁴. Заступничество Курбского за воевод в Первом и Третьем посланиях царю было также подкреплено примерами. В Первом содержался упрек, что царь преследует «сильных во Израили», уподобляет события в Москве ветхозаветному сказанию – «сильные Израилевы» Иевосфей Ханаанейский, Адиноас, Елиазар, Авеса и Ванеа защищают и спасают царя Давида¹¹⁵. В своем «Израиле» царь Иван также защищен подвигами и советами своих доблестных воевод, но вместо благодарности преследует их. Отвечая Курбскому, Иван IV обвинил Курбского в гордыни, верно уловив источник сравнения: «Или мнишися быти Авенир сын Ниров, еже храбрейший во Израили, еже такая писания злобесным обычаем и гордостию дмяся писати?»¹¹⁶. Третье послание Курбского царю ориентировано

¹¹¹ Святой Георгий Победоносец в агиографическом своде Андрея Курбского / Под ред. В.В. Калугина. – Москва, 2004.

¹¹² СК. – Т. 2. – Л. 81.

¹¹³ Лурье Я.С., Рыков Ю.Д. Комментарий // Библиотека литературы Древней Руси. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 11. – С. 625; Филишкин А.И. Андрей Михайлович Курбский... – С. 553-554.

¹¹⁴ ПИГАК. – С. 7, 9, 115.

¹¹⁵ ПСРЛ. – Москва, 2005. – Т. 22, ч. 1. – С. 122. Данная параллель «сильных во Израили» Курбского с текстом Хронографа указана мне в частной беседе А.Л. Югановым.

¹¹⁶ ПИГАК. – С. 17.

на другой пример – верные стратилаты Константина Флавия Непотиан, Урс и Герпилион оговорены и обвинены в организации заговора против императора. Им грозит смерть, и они молитвенно обращаются за помощью к Николаю Мирликийскому, который явился императору Константину во сне и требовал восстановления справедливости. За это они вновь обвинены, на сей раз в колдовстве, и только после их допроса «василевс» признал их невиновность и восславил Бога и св. Николая¹¹⁷. В то же время место царя Давида занимает в Третьем послании другой прообраз царя Ивана – «скверный и богомерзкий Саул», отрешившийся от пророков Божиих и обратившийся в Аэндоре к чародейке («ко матропе или ко фотунисе»)¹¹⁸. Сильвестр, выполнявший миссию пророка Нафана при Давиде, противопоставлен царю вновь уже в более страшном и зловещем облике пророка Самуила, являющегося Саулу, чтобы предвестить ему гибель, а его народу – плен. Как и его библейскому прототипу, Ивану IV грозит погибнуть «за преслушание и за злое произволение»¹¹⁹. Правителя «неискуснаго и ненависнаго», ставшего собственной «тенью» из-за своих «злых обычаев», пророк Самуил наставляет, каким должен быть «образ речи посполитой» и «яко кротким подобало ему быти, яко умеренным», как избегать чрезмерных «посулов», не чинить «никому насилия», не быть ни для кого «неправедным», не стремиться к «собранию богатства» и не молчать, когда «весь люд» предан «на разграбление»¹²⁰. И последняя стадия в этой череде сравнений: когда о покаянии царя Ивана нет и речи, Сильвестр подобен Иоанну Крестителю, обличающему Ирода, и Иоанну Златоусту, гонимому патриархом Фиофилом. Александрийскому патриарху при этом уподоблен не митрополит Макарий, а подхалимствующие царю монахи и пастыри.

На примере Святорусского царства-республики шляхтич должен был освоить основы православной политической философии. В ней суммировались в ярком риторическом обрамлении представления о задачах построения и защиты правильного государственного устройства, восхвалялись подвиги и мудрость избранных советников и опытных воевод конца 1540-х – 1550-х гг. Концентрическая модель управления из сердца республики разработана Курбским на основе осмысления им мироустройства в Священном Писании, трудах Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина. Толкования Иоанна Златоуста, учение о главенстве Духа над мирской властью и земными интересами церкви, рассуждения о высших дарах Святого Духа наложены на доктрину целомудренного правления Платона и Аристотеля, гелиоцентрическое учение европейских современников и живую книжную мудрость ла-

¹¹⁷ *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный... – С. 41, 45-57; *Филлюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский... – С. 491-493, 510.

¹¹⁸ ПИГАК. – С. 117.

¹¹⁹ NM. – Bd. 1. – Bl. 69. Ann. a.

¹²⁰ Ibidem. – Bd. 3. – Bl. 323 v-324.

коничных словесных жанров. Тщательно, на ряде примеров показано, что данное учение не противоречит ни Священному Писанию, ни канонам, а его защитники в опустошенной тираном и татарами Русской земле – добродетельные и святые граждане, невинно пострадавшие за идеал от рук царя и его приспешников, руководствовавшихся не своими особыми идеалами, а «несытством» до чужих богатств, завистью к мудрости и святости, жадной власти и стремлением присвоить себе чужие победы. История приподносила урок как существом своего предмета, так и ссылками на душеспасительные тексты, утверждающие читателя и слушателя в вере.

Такая образовательная программа, в целом, отвечает требованиям дня в педагогике Речи Посполитой 1570-х годов. Планка была задана иезуитами, создавшими на территории Великого княжества Литовского сеть школ и крупнейший коллегиум в Вильне, где в момент его основания в 1570 г. училось около 160 человек, а в 1576 г. – уже 500. В иезуитском коллегиуме было три класса – свободных наук, философский и теологический. Начальный курс состоял из классов грамматики, синтаксиса, поэтики и риторики. В 1579 г. привилеем короля Стефана Батория и буллой папы Григория XIII школа была преобразована в иезуитскую академию, а ее классы стали факультетами. Ректором Академии стал тот самый Петр Скарга, чей труд обсуждали в своей переписке Острожский и Курбский. Незадолго до смерти князя Андрея, в феврале 1583 г. по инициативе римского легата Антонио Поссевино папа Григорий XIII издал буллу об открытии при Виленской академии семинарии «для русинов и московитов». Ее учениками вскоре стали выходцы из католических регионов Европы, и борьба за людские души обрела новое измерение. На русских землях Короны Польской и Великого княжества Литовского идея школьного образования в 1570-е годы возникла в тесной связи с потребностями религиозной полемики, причем православные магнаты признавали иезуитские школы образцовыми, считали допустимым отдавать в них на обучение своих детей и даже поддерживать эти школы материально¹²¹.

Собственных православных школ, сопоставимых по уровню подготовки и числу учеников с католическими, в Речи Посполитой не было. Образовательный «курс», разработанный Курбским, мог занять это место. Он был нацелен, в первую очередь, на воспитание православного шляхтича и горожанина, хотя для православного магната были очевидны пробелы в знаниях православного духовенства. Нравонаказательная философия и история в этой модели выполняли роль своеобразного инструктирования, направленного на подготовку грамотного участника политической жизни, защитника

---

¹²¹ *Topolska M.B.* Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku. – Wrocław, 1984. – S. 50-65; *Auerbach I.* Russische Intellektuelle... – S. 65-66; *Пазднякоў В.* Віленская акадэмія // Вялікае княства Літоўскае. Энциклапедыя ў двух тамах. 2-е выд. – Мінск, 2007. – Т. 1. – С. 411-412.

веры и добродетельного воина. Похожим образом в конце XVI в. составлялись воспитательные курсы для юных шляхтичей и других вероисповеданий. Учеба юношей за границей стала культурной нормой. Студенты проходили в университетах полные курсы, после чего нередко возвращались, чтобы послушать отдельные лекции. От юноши из магнатской семьи ждали освоения латыни, современных языков, классической литературы, юриспруденции, истории, философии, основ риторики. Как правило, перед дальней поездкой шляхтич проходил начальный курс на магнатском дворе. В университете выбирал интересующий его курс и учился не только основным предметам. Братья Адам и Петр Горайские отправились в 1579 г. в Базель и изучали там право, античную литературу, философию и теологию, а за стенами университета – математику, религиозные учения, международные отношения, читали записки путешественников¹²². Януш Радзивилл проходил образование в Страсбурге по следующей схеме: утром этика и политика, после обеда история, в течение всего дня занятия немецким и французским языками, затем к этим предметам добавлялись теология, по определенным дням – проповеди и диспуты¹²³. Тревога Курбского за православное воспитание русского населения Речи Посполитой была связана с потребностями конфессиональной конкуренции, однако эта тревога получила развитие не в организации педагогического учреждения, а в создании комплекса учебных и религиозных текстов, аналогов которому в православной педагогике того времени не существовало. Те же православные образовательные проекты Речи Посполитой, которые по большей части были осуществлены уже после смерти Андрея Курбского, во многом совпадали с его замыслами и институционально связаны с его интеллектуальным кругом¹²⁴.

Взгляды Курбского далеки от актуальных учений его польских современников и вряд ли были востребованы в современной ему общественной мысли Речи Посполитой. Попытки найти аналоги рассуждениям князя Андрея в ренессансной мысли затруднены не только по причине относительно низкого теоретического потенциала его текстов¹²⁵. Дело, видимо, в другом. Как

¹²² Kupisz D. Młodzież polska na uniwersytetach Europy Zachodniej w XVI wieku. Cele i charakter renesansowych peregrynacji akademickich // Idee humanistyczne Renesansu w integracji europejskiej. Konferencja naukowa, Radom, czerwiec 2002. – Radom, 2002. – S. 196.

¹²³ AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. V. – Sygn. 2105. – S. 1, 5, 13, 17. Письма Даниэля Хойновского М.К. Радзивиллу, 1596 г. В более поздних письмах также содержатся отчеты об обучении подопечного.

¹²⁴ Auerbach I. Russische Intellektuelle... – Bd. 3. – S. 15-51; Bd. 4. – S. 73-81.

¹²⁵ Язык кн. А. Курбского, как показывают наблюдения И. Ауэрбах и Ю. Бестерс-Дилгер, открыт для создания абстрактных философских понятий. Это язык теоретико-экспериментатора, причем в ущерб традиционным языковым нормам русского и рутенского книжных языков XVI в. См.: Auerbach I. Nomina abstracta im Russischen des 16. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte der Abstraktsuffixe im Slavischen. – München, 1973; Besters-Dilger J. Andrej M. Kurbskij als Übersetzer: zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert. – Freiburg, 1992.

книжник православного мира, князь рассуждает в категориях святоотеческой традиции, стремится примирить учение Отцов Церкви с неподатливой реальностью Реформации. Ученость ренессансного типа вызывает в нем то восхищение, но недоверие, а в целом – осторожную заинтересованность. Он понимает, что теория государства, восходящая к Аристотелю и Цицерону, неправославна и в этом смысле она – неосвященная «эллинская мудрость». Курбский далек, например, от учения о непреложности общественной свободы кальвиниста Андрея Волана, с восхищением упоминающего его имя в своем трактате «*De libertate politica*» (1572). Как мы уже видели, князь мыслит общество и общественные отношения в категориях, близких к христианскому неоплатонизму и допускает расширение участия простых людей в делах республики. Однако ничего подобного учениям обсуждаемого им иезуита Петра Скарги и католика-реформиста Анджея Фрыч-Моджевского о всеобщих избирательных правах и равенстве всех людей перед законом у Курбского нет – все его рассуждения, из которых исследователи выуживают концепцию «всенародного» представительства, заключены в одной фразе и целиком основаны на Ветхом Завете¹²⁶. Сходство в отборе опорных политических институтов для построения идеи целомудренной монархии прослеживается между рассуждениями Курбского и католического теоретика С. Ожеховского, который считал, что идеальной формой государства является монархия с элементами аристократии и под управлением церкви.

Князь Андрей проникся филологическими задачами, его интересует возможность отличить подлинные сочинения Златоуста от подложных «Златоустов», прикрытых именем прославленного ритор¹²⁷. А следовательно, сравнение текстов и «книжная справа» для него важны как инструмент возвращения к подлинному христианству. И вместе с тем Курбский не прикладывает никаких заметных усилий, чтобы создавать хотя бы видимость сравнительно-текстологической работы наподобие той, которая была проделана до него библеистами-систематиками Эразмом Роттердамским, Мартином

¹²⁶ С учением А. Фрыч-Моджевского идеи Курбского сближаются в приоритете разума и мудрости в управлении республикой. Одна из основополагающих идей Фрыч-Моджевского гласила, что несправедливость и общественные разногласия необходимо сглаживать перед «трибуналом разума». Основания этой идеи у Фрыч-Моджевского могут быть также сопоставлены с ходом мысли Курбского. Католический теоретик в своей книге «*De republica emendanda*» (1554 г.) исходит из идеи свободной элекции светских и церковных властей и лишения монарха верховной светской судебной власти и применяет к избирательной системе канонический принцип «*quod omnes tangit ab omnibus approbari debet*» (*Kukulski J. Andrzej Frycz Modrzewski i jego epoka // Dziedzictwo Andrzeja Frycza Modrzewskiego w myśli politycznej.* – Toruń, 2004. – Т. 1. – S. 20; *Ślęczka T. Zasady głosowania i procedury wyborcze u Andrzeja Frycza Modrzewskiego // Ibid.* – S. 52-53 i dalej). Представления Курбского о правах и свободах опираются на святоотеческие примеры сопротивления властям и смирения правителей перед верховными иерархами, однако принцип равенства различных общественных групп перед судом и избирательные системы Курбским не обсуждаются.

¹²⁷ *Tomelleri V.-S. Ancora sulla traduzione...* – P. 36-37.

Лютером, Франциском Скориной и сотрудниками Жана Кальвина. Курбский работает как традиционный книжник, хотя и с книжностью нового типа, – приобретает печатные компендиумы и словари, вычитывает в них нужные ему факты и переводит один в один целые тексты. Военное дело освоено князем его более чем тридцатилетней службой и отражено в достижениях им высших для его времени постов в командовании, однако в его сочинениях нет никаких следов знакомства с концепциями соотношения пехоты, конницы и артиллерии или принципами организации тыла и войсковой дисциплины, которые обсуждались в военной теории после выхода в печати основополагающего труда Яна Тарновского «*Consilium rationis bellicae*» (1558). Военное дело в «Истории», если и обсуждается, то на уровне европейского начала XVI в. Скажем, Николло Макиавелли призывал правителя остаться в завоеванном городе, чтобы предотвратить в нем смуту. Тот же совет настоятельно проводит Курбский, обвиняя царя и Юрьевых в том, что они поспешили уйти из Казани после взятия крепости¹²⁸. Отношение Курбского к наемному войску также напоминает суждения Макиавелли о невозможности для государства опираться на наемников. Русская республика Курбского состоит из воинов, воюющих за свободу и расширение своего отечества, а о царе Иване-воине князь Андрей пишет почти теми же словами, что и Макиавелли о наемниках в республике: перед врагом он «хороняка и бегун», а «храбрый и прелютый» только «на своих единоплеменных и единоплеменных, не противящихся ему»¹²⁹. Пример кровавого сицилийского царя Агафокла приведен в «Государе», чтобы показать, что нельзя называть доблестью «убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу»¹³⁰. Конечно, сравнение Агафокла и «ему подобных» с царем Иваном попало бы в самую точку, если только Курбский мог знать текст «Государя» или следы его читательской рецепции. В сходном направлении можно сравнить детей Франческо Сфорца с упомянутым в «Истории» польским королем – видимо, Сигизмундом II Августом, который не заботился о границах с татарами, а помышлял «больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях»¹³¹, и теорию Макиавелли, согласно которой качества правителя видны по тому, как он выбирает себе советников, с конфликтом «доброе» и «злого» советов в «Истории»¹³². Впрочем, в последнем примере расхождения между «Историей» и «Государем» не менее выразительны, чем сходства: Курбский никогда бы не сказал, что «добрые советы... рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов».

¹²⁸ СК. – Т. 2. – Л. 31-31 об.; *Макиавелли Н. Государь*. – Гл. III, V.

¹²⁹ СК. – Т. 2. – Л. 88 об.; *Макиавелли Н. Государь*. – Гл. X, XII.

¹³⁰ *Макиавелли Н. Государь*. – Гл. VIII.

¹³¹ СК. – Т. 2. – Л. 55 об.; *Макиавелли Н. Государь*. – Гл. XIV.

¹³² Там же. – Гл. XXII, XXIII.

«История» вписывается в историографические течения XVI в., но возможно, не вполне очевидным для читателей XXI в. образом. Как показал еще Дитрих Фрайданк, труд Курбского опирается не столько на греческую, сколько на латинскую традицию понимания «Истории». Он пишет не историю удаленного прошлого, а историю своего времени¹³³. Однако еще в XVIII в. российские историки относили это произведение к разряду летописей, а Константин Бестужев-Рюмин отмечал: «Книга Курбского, написанная с замечательным литературным талантом, вся проникнутая одною мыслью, скорее памфлет, чем история»¹³⁴. Подобный образ мысли развил Сигурд Шмидт, когда писал об «Истории», что «это остро полемическое произведение, по существу памфлет, направленный против Ивана Грозного и искусно облеченный в форму исторической биографии»¹³⁵. В Курбском соединялся книжник московской формации и европейский мыслитель-латинист, втянувшийся в контрреформационное движение русского православия Речи Посполитой и ставший одним из его лидеров. Как историк-мемуарист, князь Андрей создает необычную для Русского царства XVI в. летописно-автобиографическую повесть, направленную на освещение роли самого автора в «деяниях» царя и православной республики-империи. Как памфлетист, он отвечает «Историей» на Первое послание Ивана Грозного и останавливается в рассказе о своей жизни не на актуальных событиях своей заграничной жизни и даже не на последних днях пребывания в отечестве, а в тот момент, когда прекратилось его личное участие в делах идеальной христианской республики, воплощенного в Святорусской империи образца монархии, идущей по «среднему» пути целомудренного правления.

Андрей Курбский не рассуждает об «ограниченной монархии», не отстаивает утраченные права высшей знати или боярства, не является он и идеологом «боярского правления». Подобные оценки упрощают его ход мысли и даже сами понятия, в которых он выражает свое понимание власти и ее полномочий. Примеры, вошедшие в круг его этических суждений о республике и ее управлении, говорят о князе Андрее как идеологе, вслед за его европейскими современниками переосмысливающим основания власти как таковой. На смену пирамидальной княжеской доктрине приходит идея абсолютного центра, «души» или «сердца» республики, от которого зависит и благополучие монарха и его подданных и успех «общей вещи». Эта «правость сердечная» смещает внимание со становящихся привычными в Москве атрибутов царской власти, которые обойдены молчанием или лише-

¹³³ *Freydank D. A. M.* Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie // *Orbis mediaevalis*. Festgabe für Anton Blaschka zum 75. Geburtstag am 7. Oktober 1967. – Weimar, 1970. – S. 57-77.

¹³⁴ *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. – Санкт-Петербург, 1872. – Т. 1. Введение. – С. 52-53; *Жданов И. Н.* Очерк умственной жизни России в XVI и XVII вв. Лекции. – Санкт-Петербург, 1891. – С. 193-194.

¹³⁵ *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. – Москва, 1999. – С. 340.

ны веса в конструкции, соединившей евангельско-святоотеческое богословие с медицинскими открытиями середины XVI в. Сердце республики – это единство истинной веры и целомудренного разума, которое напоминает идеал веры и правды возрожденного Греческого царства во взглядах современника и, возможно, знакомого Курбского, Ивана Пересветова. Отстаивая свой идеал, князь Андрей обращается к периоду, когда он при взаимном согласии царя, духовных и светских советников и всенародства был осуществлен и в сердце республики оказалась Избранная рада.

Благодаря ее правлению республика превратилась в Святорусскую империю, приблизившись по своему устройству к империи католического мира, но оставаясь при этом оплотом правоверия, избежав ошибок западного христианства и вовремя подавив ростки разрушительной ереси. Достигнуто это было покаянием после Божьей кары, преобразованиями суда и военного дела, укрощением пороков царя и подданных, мягким, но решительным наказанием еретиков, каждодневной службой мудрых советников и воевод. Царю такое правление сулило славу и покорение чуть ли не «всей вселенной», а значит, осуществление того единства империи Августа и Царства Христа, с которого, как казалось многим книжникам XVI в., начиналась христианская история. История «Курбского» – это трагедия царства, в котором идеальная форма республики была установлена, но затем разрушена злыми советниками, царем и самим дьяволом. В этом смысле Курбский далек от проектирования или моделирования идеального типа государства, в отличие от целого ряда его европейских современников. Князь Андрей мыслит не утопией, а историей, облоченной в поучение и ресентимент.

Впрочем, как мы видели, Курбский не ограничивается припоминанием заслуг и достижений своих соратников, а развивает рассыпанный по глоссам и отдельным суждениям самостоятельный взгляд на человеческое «естество» в идеальной и деградировавшей республике. Глоссы, послесловия и предисловия-«сказы» и комментарии князя Андрея в составе Сборника Курбского и томов переведенных им и его сотрудниками святоотеческих и исторических сочинений образуют единство замысла, ответный шаг православного просветителя в начавшейся конкуренции контрреформационных церквей за души верных. Сборник Курбского и был частью большого воспитательного комплекса, в котором ключевые понятия находили созвучие с задачами освоения политической науки, православной этики и истории Русской земли. Слушателями этой школы должны были стать, прежде всего, русские дети боярские и шляхтичи Российского царства и Речи Посполитой.